

Священник Иоанн
Тунусов,
клирик Донской
церкви

СЛОВО НА ДЕНЬ ПАМЯТИ НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Как же таинственно-крепко, глубоко осознанно стоят рядом — и неразрывно-прочно соединены — такие понятия как Вера, Кровь, Крест.

Пишу их с большой буквы, потому что Сам Господь наш Иисус Христос, неся Свой Крест за грехи всего мира, Сам соединил Своим великим примером неразрывность, глубокий смысл и спасительность этих духовных понятий.

Каждый из нас — больше или меньше — читал или просто слышал от друзей и знакомых о мучениках. О том, как на протяжении многих веков человеческой истории Церковь, созданная Господом нашим Иисусом Христом — росла, ширилась и укоренялась во многих землях и странах.

Именно они несли свою несокрушимую веру — несмотря ни на что: ни страдания, ни боль, ни жара, ни пытки, ни тюрьмы, ни сама смерть не страшили их.

Наоборот, по слову апостола Павла, смерть для него была приобретением. Потому что она соединяла его с Господом, ради Которого он жил, часто терпя голод, жажду, побои, издевательства, холод, кораблекрушения и многие опасности житейского моря...

Апостолы проповедовали веру своим ученикам и многим народам. А их ученики — своим ученикам. И так происходило и происходит до наших дней: поколение за поколением, бережно сохраняя преемственность.

Нет в мире такого человека, который смог бы сосчитать всех мучеников за

(Продолжение на 2 стр.)

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

СОБОР
НОВОМУЧЕНИКОВ...СТР. 8

**ПРИХОД ОЦА
НИКОДИМА**

НОВОСТИ
ПРИХОДА.....СТР. 10

ПУТЕВЫЕ
ВПЕЧАТЛЕНИЯ...СТР. 17

**ПОЕЗКА
В СЕРГИЕВ ПОСАД**

более чем двадцать веков христианства. И — не будет.

Их всех, мучеников, доподлинно — по делам и именам — знает лишь Господь наш Иисус Христос.

Именно на мощах мучеников совершали верующие во Христа люди Божественную Литургию, как в первые века нашей эры по Рождестве Христовом, так и сейчас Богослужения совершаются на мощах мучеников, и будут совершаться и впредь, до скончания века.

Да ведь и мы все — братья и сестры — живы лишь только потому, что молятся за нас наши святые — как прославленные нашей Святой Православной Церковью, так и не прославленные, не ведомые миру, но ведомые Христу.

И Господь, по их благодатным молитвам, продлевает еще всем нам время на покаяние, милостиво отодвигая грозные временные сроки прихода Своего и Страшного Суда.

И мы счастливые люди. Нам повезло. Ведь у нас — Божественным промыслом! — есть свой храмовый заступник перед Господом — священномученик Георгий Извеков.

И поверьте, далеко не каждый приходской храм или даже величественный собор имеет своего молитвенника, ходатая ко Спасителю нашему Иисусу Христу.

Давайте немного, братья и сестры, порадымся.

Меня частенько спрашивают: «Батюшка, а зачем креститься? Вот мои род-

ственники, друзья, знакомые живут без крещения много лет. И — хорошо живут. В достатке. Имея интересную работу, на которой их уважают. И дети у них неплохие, заняты делом. Кто из них учится, кто — работает. Никто не шатается по заплеванным подъездам. Не матерятся. И уж тем более не балуются всякой наркотой. Может, батюшка, это просто принято так делать — креститься?».

На этот вопрос отвечаю так: конечно, можно жить и без крещения. Иметь работу, достаток, любящих детей, — все это говорит о высоких родительских достоинствах.

Но как некрещенные будут умирать? Они что, лежа в гробу, зажмут в кулаках пачки рублей и долларов? Это — глупо. Ни дома, ни машины, ни дачи в кулаке не зажмешь, и не унесешь все земное — туда, к Богу. Для Господа это прах и тлен. Да и помянуть некрещеного на Божественной Литургии — нельзя. На проскомидии частичку вынуть — нельзя.

Да и прожигать всю свою пусть и очень недолгую жизнь без Ангела-хранителя, даже не пытаясь ни разу соединиться в таинстве причастия с самим Господом, — как это печально и горько...

Ведь Господь зовет нас всех к Себе, для этого Он принял страшные мучения на Кресте, для этого основал Церковь, чтобы мы соединились нашей человеческой духовной благодатью с Ним, с Его благодатью Божественной.

Ведь можно быть великолепным родителем многих детей — и погубить свою душу. Можно даже весь мир спасти

от рака — и погубить свою душу.

Ну, отсрочил смерть людей, они проживут еще сколько-то лет. Но все равно, если человек далек от Церкви, не имеет никакого понятия о Христе, о спасении своей души, об исповеди, о причастии Тела и Крови, если человек не стремится к стяжанию Духа Святого, — он погубит свою душу.

А вот священномученик Георгий (Извеков) не погубил свою душу.

Как не погубили своей души сотни тысяч, а, возможно, и миллионы наших соотечественников: митрополитов, архиепископов, епископов, архимандритов, игуменов, протоиереев, иеромонахов, иереев, иеродиаконов, иноков, инокинь, мирян.

«Ведь бывало и так, — мне рассказывали вернувшиеся из лагерей пожилые люди, — сказал, что веруешь во Христа, и сказавший получал пулю в сердце. Без суда и следствия. Сразу».

Но всех их, новомучеников — по делам и именам — знает Господь. Они у Него не забыты. Ни один человек не забыт у Бога.

И так — было. И так — будет.

И я верю: настанет такой благодатный период в жизни нашей Родины и всей Православной Церкви, когда в честь новомучеников будут давать имена с такой же гордостью и с таким почтением, как сейчас дают в честь древних святых мучеников и мучениц.

Все святые новомученики Российские и ты, новомученик Георгие, молитесь Бога о нас. Аминь.

СОБОР НОВОМУЧЕНИКОВ И ИСПОВЕДНИКОВ РОССИЙСКИХ

10 февраля празднуется Собор новомучеников и исповедников Российских. В годы политических репрессий и гонений на Церковь пострадали десятки тысяч ни в чем не повинных людей. Среди них были сотни и сотни священнослужителей: архиереев, священников, дьяконов, монахов и послушников, а также церковных старост. Безвинно осужденные, эти люди и в застенках, в нечеловеческих условиях оставались воинами Христовыми, несли людям мир и тепло, свет православной веры и надежду на спасение.

Не обошли эти страшные испытания и церкви Мытищинского благочиния. География Мытищинского церковного округа в тридцатые годы сильно отличалась от современной: в его состав входили храмы тех населенных пунктов, которые ныне входят в состав других муниципальных образований.

Многие мытищинские священники пострадали от рук палачей: Мытищинское отделение НКВД отли-

чалось высокими показателями своей работы.

Не все имена мытищинских священнослужителей, пострадавших во время гонений, мы знаем. Сейчас ведется кропотливая работа по сбору материала и с течением временем откроется полная картина 20-30-40-х годов.

Ныне же особо прославляются имена тех страдальцев Мытищинской земли, которые причислены к лику новомучеников и исповедников Российских. Это священномученики Николай (Георгиевский), благочинный Мытищинского церковного округа, Сергей (Лебедев), священник храма Воздвижения Креста Господня в селе Алтуфьево, Николай (Тохтуев), протоиерей, в последние годы жизни служивший в храме Космы и Дамиана в поселке Болшево, а также Георгий (Извеков), протоиерей, настоятель Донской церкви в Перловке.

10 февраля во всех храмах совершается поминовение всех усопших, пострадавших в годину гонений за веру Христову.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОЛАЙ (ГЕОРГИЕВСКИЙ)

Священномученик Николай родился в 1865 году в селе Коломенское Нагатинской волости Московского уезда Московской губернии в семье священника Сергея Георгиевского. По окончании в 1886 году Московской Духовной семинарии он был рукоположен во священника и служил в храмах Московской епархии. В начале XX столетия он служил в **Космо-Дамианском храме в поселке Болшево Мытищинской волости Московского уезда**. Храм был выстроен в конце XVIII столетия. В 1900 году стараниями отца Николая и местных благотворителей был достроен южный придел в честь Казанской иконы Божией Матери. Отец Николай был возведен в сан протоиерея и долгое время, включая и время гонений от безбожных властей, был **благочинным храмов Мытищинского района**.

В начале 1930 года безбожникам удалось добиться закрытия Космо-Дамианского храма, но верующие не

согласились с этим и направили к властям ходяков с ходатайством об открытии храма. С просьбой воспрепятствовать уничтожению храма обратился к верующим и отец Николай, и 15 апреля 1930 года храм вновь был открыт и приведен в порядок после разгрома.

В отместку представители власти стали собирать сведения о священнике для его ареста. Дежурные свидетели дали следователям необходимые показания, сказав, что священник обращался с амвоном к верующим женщинам, сообщал, что власти хотят закрыть храм, и просил повлиять на своих мужей, хотя бы те были и коммунисты. Во время праздника Пасхи в 1931 году отец Николай, поздравляя верующих, сказал, что, слава Богу, дождался, наверное, больше так не придется встречать, потому что коммунисты жмут.

«В апреле 1930 года, — показала одна из дежурных свидетельниц, — я была командирована ячейкой ВКП(б) фабрики «1 мая» в церковь села Болшево, где во время проповеди священник данной церкви Георгиевский говорил о рождении Христа, куда вклеивал антисоветскую агитацию; например, касаясь рождения Христа, зацепил словом, что вот Иисус Христос крестился и всем нам это завещал, ну, а сейчас люди это не стали признавать, не стали крестить детей...»

Протоиерей Николай был арестован 14 июля 1931 года и заключен в тюремную камеру при Мытищинском отделении ОГПУ. 26 июля он был допрошен. На все вопросы следователя отец Николай категорично ответил: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю и показания давать отказываюсь».

28 июля тройка ОГПУ приговорила священника к трем годам ссылки в Казахстан. Протоиерей Николай Георгиевский скончался 10 сентября 1931 года в пересыльной тюрьме в Алма-Ате. Узнав о его смерти, дочь стала хлопотать о выдаче ей свидетельства о смерти отца, чтобы вступить в права наследства домом. В ответ на это тройка ОГПУ в дополнение к приговору о ссылке отца Николая постановила конфисковать и оставшийся после его смерти дом.

Празднование его памяти совершается в день кончины — 10 сентября.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК СЕРГИЙ (ЛЕБЕДЕВ)

Священномученик Сергей родился 16 сентября 1895 г. в семье священника Петра Михайловича Лебедева, служившего в Благовещенской церкви в селе Сальково Подольского уезда Московской губернии. В 1910 г. Сергей окончил Донское Духовное училище, а в 1916 г. Московскую Духовную семинарию. Сразу же после окончания се-

минарии в связи с военными действиями он был мобилизован в армию, где прослужил до 1917 г. В 1920 г. Сергей Петрович был рукоположен во священника. В это время его отец служил в храме Воздвижения Креста Господня в селе Алтуфьево Московского уезда. В 1927 г. отец Петр скончался, и в Воздвиженском храме стал служить его сын. В 1929 г. хозяйство отца Сергея было записано как кулацкое, и все имущество реквизировано, но затем после хлопот и просьб все было ему возвращено.

В 1937 г. в связи с приказом НКВД о начале массовых репрессий Прелов, оперуполномоченный Мытищинского отделения НКВД, в территориальное подчинение которого входило в то время село Алтуфьево, начал оформлять документы на арест отца Сергея. В декабре 1937 г. — начале января 1938 г. он вызвал к себе нескольких свиде-

*Священник Сергей Лебедев.
Фото из следственного дела*

телей. Протоколы с показаниями у него были уже написаны заранее, и требовалось только подписать их. Свидетелю он объяснял, что дело на священника уже составлено и только требуется его всего лишь дооформить. Говорил он это, впрочем, в таком тоне, что свидетелю казалось, что если он не подпишет протокол свидетельских показаний, то его непременно арестуют. Некоторые свидетели были дежурными и, не читая, подписывали свидетельские показания не только на священника, но и на других жителей села. Один из дежурных свидетелей был корреспондентом местной газеты и инициатором создания колхоза. Он стал впоследствии председателем сельсовета в Алтуфьево.

Отец Сергей Лебедев был арестован в самый праздник Богоявления, 19 января 1937 г. и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. На следующий день Прелов вызвал священника на допрос и допрашивал, не переставая, в течение двух дней.

Выяснив у отца Сергея, что его брат арестовывался в 1930 г., следователь сказал:

— Вам известно, что ваш брат был судим за совершение террористического акта над председателем сельсовета села Виноградова, а также известно, что соучастники его дела 1930 г. в 1937 г. вновь были арестованы и осуждены. Что вы скажете теперь?

— Об этих фактах я слышал, но утверждать не могу, — ответил священник.

— Следствие располагает данными, что вы, проживая в зоне специального обслуживания, часто посещали запретную зону. Для какой цели вы посещали запретную зону?

— В запретной зоне я никогда не был. Я совершал прогулки по лесу, поскольку это мне рекомендовали врачи. Никаких других целей я не преследовал.

— Следствию известно, что вы во время выборов в Верховный Совет выступали с контрреволюционной клеветой на политику Советского Союза. Что вы скажете по данному вопросу?

— Таких фактов контрреволюционных выступлений с моей стороны не было.

— Намерены ли вы давать следствию правдивые показания о вашей контрреволюционной деятельности? — задал следователь священнику последний вопрос.

— Никакой контрреволюционной деятельности никогда и нигде не вел, — ответил отец Сергей.

На этом следствие было закончено. 26 января 1938 г. тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Священник Сергей Лебедев был расстрелян 31 января 1938 г. на полигоне Бутово под Москвой и погребен в общей безвестной могиле.

В августе 1938 г. некоторые из сотрудников Мытищинского отделения НКВД были арестованы. Оперуполномоченный Прелов при аресте покончил жизнь самоубийством, застрелившись.

Память священномученика Сергея совершается в день его смерти — 18 (31) января, а также в день празднования Собора новомучеников и исповедников Российских — 25 января (7 февраля), если этот день совпадает с воскресным днем. Если этот день не совпадает с воскресным днем, то в ближайшее воскресенье после 25 января (7 февраля).

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК ГЕОРГИЙ (ИЗВЕКОВ)

Священномученик Георгий родился 24 февраля 1874 года в городе Калуге в семье священника Иакова Извекова. Георгий Яковлевич окончил Киевскую Духовную академию и был направлен служить псаломщиком при посольской церкви в городе Праге, а затем,

переехав в Санкт-Петербург, был законоучителем в одном из учебных заведений. Рукоположенный во священника, отец Георгий во время Первой мировой войны служил в санитарном поезде, а затем в госпитале.

После большевистской революции отец Георгий переехал в Москву; с 1921 года он стал служить **в храме Донской иконы Божией Матери при станции Перловка** под Москвой; был возведен в сан протоиерея. Обладая уникальными музыкальными способностями, он писал много церковной музыки для отдельных храмов и для Патриархии. Кроме того, он писал музыку для духовных и народных песен и как выдающийся композитор был принят в Союз композиторов.

В начале 1931 года начались массовые репрессии против духовенства, когда в один день арестовывались десятки священнослужителей, монашествующих и мирян. Протоиерей Георгий был арестован 14 апреля 1931 года и 20 апреля допрошен. «Я ожидал своего ареста, — заявил он, — и даже хотел этого. Мне как священнику было не удобно, что другие страдают за веру Христову и идут в ссылку, а я не испытываю лишения, поэтому я готов пострадать и даже умереть за имя Христово».

После такого заявления священника допрос был следователем прекращен. Через два дня следователь снова допросил священника и задал еще ряд вопросов; отец Георгий, отвечая на них, сказал: «По существу предъявленного мне обвинения в агитации против советской власти... показания давать отказываюсь. Обвинения за собой не признаю».

30 апреля 1931 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Георгия к трем годам ссылки в Северный край, и он был отправлен этапом сначала в Котлас, затем в Великий Устюг, а затем в Усть-Сысольск.

Вернувшись из ссылки, отец Георгий поселился в том же подмосковном поселке и занялся сочинением духовной музыки — сначала для храмов Москвы и других епархий, а затем, когда число храмов резко уменьшилось, только для Патриархии; он сочинял также музыку и для светских песен, и ее публиковали в печати.

22 июля 1937 года протоиерей Александр Лебедев, находясь под арестом, дал показания против отца Георгия. Будучи секретарем митрополита Сергия, он хорошо знал всех посещавших митрополита, в частности и отца Георгия.

2 ноября 1937 года отец Георгий был арестован и заключен в Таганскую тюрьму в Москве. 15 ноября дежурный свидетель, клирик Знаменской церкви у Крестовской Заставы Толузаков дал показания против арестованного священника, заявив, что отец Георгий,

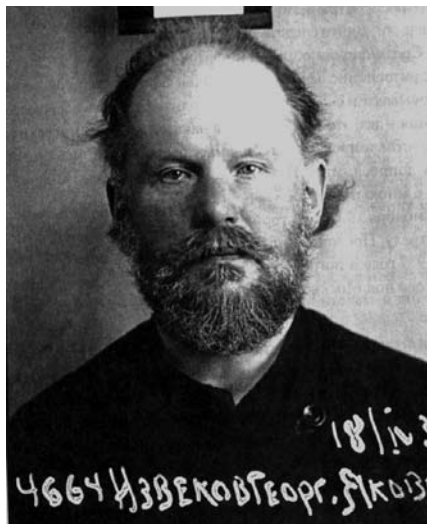
посещая разные церкви, вел антисоветскую агитацию. «На мои предложения, — заметил свидетель, — о том, чтобы он начал писать музыку для песен на социалистические темы, он брезгливо отказался, заявив, что он “идейный и правочерный священник-христианин и жидам продаваться не намерен, хотя ему и предлагали это”».

16 ноября следователь, допрашивая отца Георгия, заявил:

— Следствие располагает данными о том, что вы среди окружающих вас лиц систематически проводили контрреволюционную агитацию и распространяли всевозможные вымышленные контрреволюционные слухи. Вы это подтверждаете?

— Это я отрицаю, — ответил священник.

— Вы говорите неправду. Следствию доподлинно известно, что вы распространяете клевету по адресу меропрയാ-

*Протоиерей Георгий Извеков.
Москва. Тюрьма ОГПУ. 1931 год*

тий советской власти. Дайте следствию правдивый ответ.

— Среди окружающих меня лиц я говорил: «В СССР существует притеснение верующих, церкви закрывают, священников арестовывают и ссылают, нам приходится терпеть всевозможные лишения — все это нам послано в наказание за наши грехи».

На этом допрос был закончен. Ставя свою подпись под протоколом допроса, отец Георгий написал: «Записано с моих слов верно и мною прочитано».

23 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила отца Георгия к расстрелу. Протоиерей Георгий Извеков был расстрелян 27 ноября 1937 года и погребен в общей безвестной могиле на полигоне Бутово под Москвой.

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК НИКОЛАЙ (ТОХТУЕВ)

Священномученик Николай родился 9 мая 1903 года в селе Бым Кунгурского

уезда Пермской губернии в крестьянской семье. Первое представление о книжной премудрости Василий получил от местного псаломщика, обучившего его грамоте, затем окончил сельскую школу. Огромное влияние на его воспитание оказала мать, Мария Федоровна, женщина благочестивая, начитанная, воспитавшая Василия в строго религиозном духе и привившая ему любовь к чтению духовных книг.

Отец Николая, Василий Николаевич женился, когда ему исполнилось семнадцать лет. В тридцать пять лет он овдовел, оставшись с четырьмя детьми, и женился на дочери священника Матвея Цветова, Марии, которой было тогда тридцать лет. У Марии Матвеевны с Василием Николаевичем родилось шесть человек детей.

Василий Николаевич был трудолюбивым земледельцем и хорошим хозяином, на своем поле он добился значительных урожаев, позволивших ему расширить хозяйство и выстроить новый дом. В тридцать лет крестьяне избрали его волостным старшиной и затем выбирали на эту должность четыре раза в течение двенадцати лет. В 1906 году Василий Николаевич был избран в 1-ю Государственную Думу от Осинского уезда. В Думе он не примыкал ни к каким партиям, внимательно присматриваясь к происходящему, и, когда через три месяца Дума была распущена, он не присоединился к ее революционной части, а уехал домой.

После работы в Государственной Думе он стал известным человеком в уезде и был избран в члены Осинской уездной управы. Ему было поручено ведать делами строительства народных школ, библиотек и больниц.

Огромное влияние на воспитание Николая оказала его мать, Мария Матвеевна. Глубокая вера в Бога сопровождала всю ее жизнь и руководила всеми ее действиями. В глазах окружающих она была настоящей подвижницей. Ни разу никто не слышал от нее грубого или раздраженного слова, или чтобы она говорила на повышенных тонах. Она была тихая, приветливая, со всеми ровная, из детей не выделяла любимчиков. Она большей частью трудилась, погруженная во множество повседневных забот, но трудилась с радостью, не зная усталости и не замечая трудностей, что можно было делать, только непрестанно памятуя о Боге. Вечером она последняя укладывалась спать, потому что по дому нужно было довершить множество дел — что-то сшить, перешить, починить одежду. А ночью она, стоя перед иконами на коленях, молилась, чаще всего читая Псалтирь. Утром она вставала раньше всех, чтобы успеть растопить русскую печь и испечь хлеб.

Село Бым расположено в девяти километрах от Белогорского во имя

святителя Николая чудотворца мужского монастыря. Основанный в 1897 году в пустынном лесном месте, монастырь скоро стал центром духовного просвещения Урала. Сюда приезжали великие князья, дворяне, крестьяне и рабочие уральских заводов. Число насельников в течение короткого времени выросло до пятисот человек. Архимандрит Варлаам собрал в монастыре библиотеку в десятки тысяч томов, сделав книжное знание доступным для живущих вокруг крестьян. Белогорский монастырь оказал огромное влияние на окрестное население благочестием и глубоким нравственным и религиозным настроем своих насельников, и до прихода советской власти население этих мест не знало ни воровства, ни иных преступлений.

Близость к монастырю привлекала в Бым множество подвижников, которые приходили помолиться в обитель каждый год на престольные праздники. Мария Матвеевна с любовью их принимала у себя, и во время белогорских торжеств дом Тохтуевых наполнялся паломниками.

Благочестие семьи, близость монастыря и частое присутствие на монастырских службах оказали на Николая Тохтуева огромное влияние. В тринадцать лет, в 1916 году, он окончил двухклассное училище в Быму и на следующий год поступил в училище псаломщиков при Архиерейском доме в Перми. По окончании в 1919 году училища, Николай был назначен псаломщиком в Свято-Троицкую церковь села Ашапа. 14 мая 1922 года он был рукоположен во диакона к этой церкви, в 1923 году — направлен служить в Петропавловскую церковь села Уинского, а в 1924 году — переведен в Николаевскую церковь в селе Кыласово. В это время у диакона Николая открылся красивый и мощный бас, какого не было ни у одного из диаконов Кунгура и Перми, и 26 января 1925 года епископ Кунгурский Аркадий (Ершов) позвал его служить в градо-Кунгурский Успенский кафедральный собор. Владыка полюбил диакона Николая за его простоту, добродушие и нестяжательность. В 1925 году в Неделю Православия диакон Николай был награжден двойным орарем и возведен в сан протодиакона.

Все двадцатые и последующие годы сотрудники ОГПУ вели наблюдение за церковнослужителями: одних арестовывали, других склоняли к сотрудничеству, третьих принуждали к оставлению служения в храле.

Случайный свидетель, деревенский подросток, в мае 1931 года показал в ОГПУ, что был в кунгурской церкви на праздник Успения Пресвятой Богородицы, после службы его позвал к себе на чай протодиакон Николай Тохтуев, который ему стал говорить, что

советская власть задушила духовенство налогами.

Протодиакон Николай был вызван в ОГПУ и ознакомлен с показаниями против него, а затем под угрозой ареста ему было предложено дать подписку о сотрудничестве с органами ОГПУ в качестве секретного осведомителя, что он обязуется сообщать обо всем, что происходит среди священно- и церковнослужителей. Подписку протодиакон дал, но сотрудничать не стал.

В 1931 году Василия Николаевича как бывшего члена Государственной Думы лишили избирательных прав, и двое его сыновей, как дети лишенца, были отправлены в тыловое ополчение, условия служения в котором мало чем отличались от каторжно-лагерных. Большую часть времени тылополченцы выполняли тяжелую работу, часто в невыносимых условиях, рыли котлованы и возводили корпуса заводов.

Диакон Николай Тохтуев

Протодиакон Николай был отправлен на работу в Екатеринбург, что, по-видимому, и спасло его тогда от расплаты за уклонение от сотрудничества с ОГПУ.

В декабре 1932 года сотрудник ОГПУ, «рассмотрев агентурную разработку “труженики”...», нашел, что некоторые священники и миряне, «будучи недовольны советской властью и ее мероприятиями на селе, ведут активную антисоветскую деятельность среди населения, предсказывая скорую гибель советской власти, кончину мира, пришествие Страшного Суда и распространяют разного рода “святые письма”. Особенно активную деятельность фигуранты разработки развернули за последнее время, поэтому постановил фигурантов разработки “труженики”... оперативно изъять и привлечь к ответственности».

Были произведены аресты, всего по этому делу было арестовано двадцать семь человек. Протодиакона Николая арестовали 19 января 1933 года и поместили в кунгурскую тюрьму, в под-

вальную камеру, рассчитанную на десять человек, поместив туда пятьдесят. В камере стояли сырость, духота и табачный смрад; она не проветривалась, и скоро в ней нечем стало дышать. Люди по очереди пробирались к волчку в двери, чтобы хотя немного вдохнуть свежего воздуха, но напротив камеры находилась уборная и из волчка тянуло тяжелым зловонием. Не выдерживая этих условий, многие заключенные умирали.

В этой камере отец Николай пробыл полгода; укрепляемый Господом, он остался тверд в вере и на допросе заявил, что является убежденным верующим человеком, он верит, что будет приход на землю антихриста, второе пришествие Христа, Страшный Суд и кончина мира. «Но сроков этой кончины мира я не устанавливал и не предсказывал, — сказал он следователю. — Разного рода “святые письма” я не распространял... Разговоров о кончине мира я... не имел... Существование советской власти несовместимо с религией и моими убеждениями, так как советская власть проповедует атеизм, безверие...»

31 января следователь снова допросил протодиакона, поинтересовавшись, давал ли тот подписку о сотрудничестве с ОГПУ.

«В 1931 году я давал органам ОГПУ подписку о сотрудничестве в качестве секретного агента по освещению контрреволюционной деятельности церковников и духовенства, но я не только не выполнял эту подписку, а сам вел антисоветскую деятельность. С советской властью я считаю и признаю ее постольку, поскольку это не вредит вере. От дальнейших показаний отказываюсь», — сказал протодиакон.

Все арестованные были обвинены в развале хозяйственных планов коммунистов. «В деревне Подовиха... развален колхоз, из состоящих в колхозе 36 хозяйств осталось 12», — писали сотрудники ОГПУ. — «В том же сельсовете в деревне Матвеевка колхоз, состоящий из 12 хозяйств, развален совершенно. Кроме того, под влиянием агитации членов организации, хлебозаготовки по Вислянскому сельсовету... к концу 1932 года были выполнены только на 70%, несмотря на соответствующие нажимы со стороны власти, и только после ликвидации организации хлебозаготовки по сельсовету и по району были выполнены полностью».

28 мая 1933 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило протодиакона Николая к трем годам ссылки на Урал. Находясь в кунгурской тюрьме, он заболел тифом и после приговора был освобожден, чтобы следовать на место ссылки вольным порядком, но тиф дал осложнения, и до ноября он не смог стронуться с места. Выздоровев, отец Николай по совету близких людей решил в ссылку не ехать и уехал в Москву;

с конца 1933 года он стал служить в одном из храмов Калужской епархии. В 1934 году протоиерей Николай перешел служить в храм в городе Наро-Фоминске Московской области.

Настоятелем храма был протоиерей Сергей Павлович Павлов, благочинный Наро-Фоминского района, состоявший на службе в НКВД в качестве секретного сотрудника, постоянно занимавшийся сбором сведений о священнослужителях и верующих. Однажды он потребовал от протоиерея Николая, чтобы тот выступил в НКВД лжесвидетелем. И когда он отказался, протоиерей Павлов пригрозил ему, что в таком случае посадит его в тюрьму, но, если протоиерей согласится, он его защитит от любых преследований НКВД.

Поразмыслив над тем, что священнослужителей в Наро-Фоминском районе уже почти не осталось и протоиерей непременно осуществит угрозу, протоиерей Николай в 1935 году перешел служить в Покровский храм села Петровского. Но поскольку этот храм находился в том же благочинии и отец протоиерей не чувствовал себя здесь в безопасности от преследований осведомителя, то в январе 1938 года он перешел служить в храм в честь святых бессребреников Космы и Дамиана в поселке Болшево. Поселившись в Болшево, он стал брать уроки вокала у руководителя ансамбля песни и пляски Александрова, и его пригласили в ансамбль певцом, предлагали перейти от службы в церкви к пению в Большом театре, но протоиерей Николай остался служить в храме Божиим.

В декабре 1939 года была арестована группа православных людей, с одним из которых, Тимофеем Князевым, был знаком протоиерей Николай, так как тот был прихожанином Космо-Дамианского храма и подрабатывал тем, что пилил для храма дрова. При аресте Тимофей показал: «Я... говорил везде среди лиц, которые меня окружали, и среди которых я встречался... что в Евангелии написано: будет положено начертание на правую руку или на лоб (чело), что нельзя будет никому ни купить, ни продать, кто будет иметь это клеймо... Вот мы в силу таких религиозных размышлений и объявили себя не гражданами СССР, отказались от трудовых книжек, не стали ставить на паспортах фотокарточки и отказались от законов, существующих в СССР».

Тимофей Князев показал также, что хорошо знаком с протоиереем Николаем Тохтуевым и у него с ним были беседы о том, нужно ли ходить голосовать за кандидатов в местные советы. Мнения их на этот счет разошлись. Тимофей Князев считал, что голосовать не нужно, протоиерей — что нужно. Для разрешения вопроса они поехали к священнику, который пользовался

в их глазах авторитетом. И тот, исходя из текстов Священного Писания, поскольку вопрос был поставлен в области религиозной, показал, что нет греха в том, чтобы голосовать. Протоиерей послушался, а Князев остался при своем мнении.

В Великую Пятницу Страстной седмицы, 26 апреля 1940 года, в дом, где жил протоиерей, пришел человек в штатском и, показав отцу Николаю повестку, сказал: «Вас вызывают в Мьгищинское отделение НКВД. Собирайтесь!»

Отец Николай попрощался с семьей и сказал: «До свидания, вернусь или нет, неизвестно».

В районном отделении НКВД сразу же состоялся допрос.

Следователь спросил, арестовывался ли когда-нибудь протоиерей. Сначала тот отрицал факт ареста и приговора, но затем, признав это, сказал, что готов нести ответственность за то, что уклонился от ссылки. Следователь спросил, знает ли протоиерей Тимофея Князева, дав при этом понять, что хорошо осведомлен об их знакомстве на основании показаний самого Князева, а также и об отношении Князева к советской власти.

— Вам было известно антисоветское настроение Тимофея Князева? — спросил следователь протоиерея.

— Да, антисоветское настроение Тимофея Князева мне было хорошо известно, он открыто его высказывал в моем присутствии.

— Значит вы, зная об антисоветском настроении его, никому об этом не общались?

— Да, я знал, что Князев антисоветски настроен, но я об этом никому не говорил и не довел до сведения советской власти.

— Значит, вы прикрывали его?

— Да, это так.

— Признаете ли вы себя виновным в том, что вы, зная об антисоветской деятельности Князева, не сообщили органам советской власти?

— Да, я признаю себя виновным в том, что я, зная антисоветскую деятельность Тимофея Князева, не сообщил об этом органам советской власти.

На этом допрос был закончен. После того, как протоиерей подписал протокол, следователь пригрозил ему, что законит его на восемь лет в лагерь, и предложил сотрудничать с органами НКВД, выявляя всех антисоветски настроенных лиц. Протоиерей согласился и дал подписку о сотрудничестве с обязательством держать сведения об этой договоренности в строжайшем секрете. Прощаясь, сотрудник НКВД приказал ему явиться в районное отделение НКВД 29 апреля.

Это был понедельник, следующий день после Пасхи, и отец Николай, предполагая, что может не вернуться домой,

предупредил старосту храма, что его вызывают в НКВД и ему придется пропустить богослужение. Перед тем как идти, он собрал сумку со всем необходимым в заключение и простился с семьей. Он написал краткое заявление с отказом от сотрудничества и сразу же по приходе вручил его начальнику районного отделения НКВД.

«Товарищ начальник, — писал он, — я отказываюсь от своей подписки и давал ее лишь потому, чтобы мне была возможность встретить Пасху и проститься с семьей. По моим религиозным убеждениям и по сану я не могу быть предателем даже самого злейшего моего врага...»

Начальник, прочитав заявление, предложил все же подумать и не отказываться и отпустил отца Николая домой. Но тот остался в своих убеждениях тверд, подготовившись пострадать за Христа. В объяснение своей позиции он составил пространное заявление на имя начальника районного отделения НКВД.

«Гражданин начальник! — писал он. — Разрешите мне объяснить с Вами письменно, я говорить много не умею по своей необразованности. Что вы от меня требуете, то я сделать не могу. — Это мое последнее и окончательное решение. Большинство из нас идет на такое дело, чтобы спасти себя, а ближнего своего погубить — мне же такая жизнь не нужна. Я хочу быть чистым пред Богом и людьми, ибо, когда совесть чиста, то человек бывает спокойный, а когда не чиста, то он не может нигде найти себе покоя, а совесть у каждого человека есть, только она грязными делами заглушается, а потому я не могу быть таким, каким Вы бы хотели...»

Вы мне обещаете восемь лет за что же? За то, что я дал жизнь детям? Их у меня семь человек и один другого меньше. Старший сын двенадцати лет перешел в 6-й класс, второй сын десяти лет перешел в 4-й класс, третий сын восьми лет перешел во 2-й класс, четвертый сын шести лет, пятый сын четырех лет, шестая дочь двух лет и седьмому только еще два месяца; жена больная, не может взять ребенка, так ей скорчил руки ревматизм и сердце болит. Советское государство приветствует и дает награду за многодетность, а вы мне в награду восемь лет концлагеря пообещали. За что? Какой я преступник? Только одно преступление, что служу в церкви, но это законом пока не запрещено. Если я не могу быть агентом по своему убеждению, то это совершенно не доказывает, что я противник власти...

Хотя я и семейный человек, но ради того, чтобы быть чистым пред Богом, я оставляю семью ради Него... Разве не трудно мне оставить... семью в восемь человек и ни одного трудоспособного? Но меня подкрепляет и ободряет дух мой Тот, ради Которого я пойду

страдать; и я уверен в том, что Он меня до последнего моего вздоха не оставит, если я Ему буду верен, а отчет мы все должны дать, как жили мы на земле...

Вот вы говорите, что мы обманываем народ, одурманиваем и прочие безумные глаголы, а можете ли вы об этом определенно сказать, когда может и церковных книг не брали в руки и не читали их и не углублялись в христианскую веру, а судите поверхностно, что, мол, у нас написано в газетах и книгах то верно, а что за тысячу лет написано было до Христа и про Него, что Он будет и так-то поживет, и такой-то смертью умрет, и воскреснет; это за тысячу лет пророками было написано и уже сбылось, так это, по-вашему, не верно. Или вот, скажем, радио передает за тысячи верст без проволочки; как это остаются слова в эфире и передаются, а весь человек куда-то девается, исчезает? Нет, он никогда не исчезнет и никуда не девается, умрет, истлеет и потом воскреснет в лучшем виде, как зерно, брошенное в землю...

Вот уже двадцать три года существует советская власть, и я ничем не проявлял себя враждебным по отношению к ней, был всегда лояльным, исполняя все распоряжения власти, налоги всегда выплачивал исправно, дети мои учатся в советской школе, и вся моя вина лишь в том, что, будучи убежденным христианином, я твердо держусь своих убеждений и не хочу входить в сделку со своей совестью... И вам не могу услужить, как вы хотите, и перед Богом кривить душой. Так я и хочу очиститься страданиями, которые будут от вас возложены на меня, и я их приму с любовью. Потому что я знаю, что заслужил их.

Вы нас считаете врагами, потому что мы веруем в Бога, а мы считаем вас врагами за то, что вы не верите в Бога. Но если рассмотреть глубже и по-христиански, то вы нам не враги, а спасители наши, вы загоняете нас в Царство Небесное, а мы того понять не хотим, мы как упорные быки увильнуть хотим от страданий, ведь Бог же дал нам такую власть, чтобы она очищала нас, ведь мы, как говорится, заелись... Разве так Христос заповедовал нам жить, да нет, и сто раз нет, и поэтому нужно стегать нас и пуще стегать, чтобы мы опомнились. Если мы сами не можем... то Бог так устроил, что вы насильно нас тащите в Царство славы, и поэтому нужно вас только благодарить».

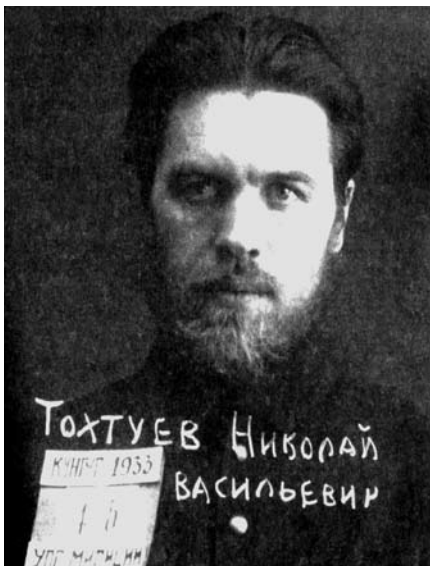
4 июля 1940 года была выписана справка на арест протоиерея Николая, по которой он обвинялся в том, что, «являясь враждебно настроенным к существующему в СССР политическому строю, был тесно связан с отдельными участниками группы... существовавшей в Мытищинском районе, Князевым и другими (арестованы в 1939 году и осуждены в 1940-м)... Зная об открытых высказываниях Князевым... антисоветских

настроений, Тохтуев укрывал его и не довел об этом до сведения органов советской власти...»

В ночь с 5 на 6 июля отец Николай был арестован и заключен во внутреннюю тюрьму НКВД на Малой Лубянке. Сразу же после ареста следователь допросил его.

— Приведите конкретные факты антисоветских проявлений со стороны Князева! — потребовал следователь.

— С Тимофеем Михайловичем Князевым я познакомился осенью 1939 года, когда он нанялся... пилить и колоть дрова для церкви. В возникшем разговоре относительно выборов... Тимофей Князев спросил меня: «Ну как, голосуете?» Я ответил утвердительно. А он на это мне заявил: «Верующим голосовать нельзя, я голосовать не буду, я и в переписи участия не принимал...» Я Князеву не поверил и предложил ему поехать узнать к священнику воловни-

Протоиерей Николай Тохтуев.
Кунгурская тюрьма. 1933 год

ковской церкви Клинского района отцу Сергию... В конце 1939 года я и Князев ездили к отцу Сергию и спрашивали у него, можно ли голосовать верующим. Отец Сергей по церковному Писанию доказал нам, что голосовать можно и верующим, но Князев ему не поверил и остался при своих убеждениях. А я остался спокойным за то, что голосовать разрешается.

— С какой целью вы ездили к отцу Сергию?

— За тем, чтобы спросить, можно ли голосовать верующим.

— А если бы отец Сергей сказал, что голосовать верующим нельзя, вы бы голосовали?

— Если отец Сергей сказал бы, что голосовать верующим нельзя и что он сам голосовать не будет, я бы голосовать не стал.

— И вы бы тогда разъясняли об этом всем верующим?

— Никому бы я разъяснять не стал, не голосовал бы только сам.

— Назовите ваших близких знакомых, где они находятся и чем занимаются?

— Близких знакомых у меня нет.

— А со священниками болшевской церкви, другими служителями религиозного культа и верующими разве вы не поддерживали близких отношений?

— Нет, не поддерживал. Со священниками... болшевской церкви у меня был разговор только во время службы, исключительно по служебным надобностям. Я в разговоры с ними не вступал, опасаясь, что кто-нибудь из них мог быть агентом НКВД, они тоже склонности к разговорам со мной не проявляли.

— Какие у вас взгляды относительно тех, кто помогает советской власти разоблачать контрреволюционно настроенные элементы?

— Я считаю их агентами-предателями, и сам таким никогда не буду ни при какой власти: ни при советской, ни при царской, ни при фашистской.

— Какие у вас взгляды относительно жизни на земле и вне нее?

— Я считаю, что в жизни на земле много несправедливостей, что жизнь человека не может кончиться его земной жизнью и будет продолжаться после его смерти на небе, так как должен кто-то разобрать все эти несправедливости и воздать каждому по его заслугам.

— В чем же вы видите несправедливость земной жизни?

— Каждый старается предать своего ближнего...

— В чем вы видите предательство ближнего?

— Каждый спасает свою кожу, а до другого ему дела нет.

— Приведите конкретные факты к предыдущему ответу.

— Я это отношу только к священнослужителям, которые записались в агенты НКВД и, чтобы их не посадили самих, предают своего ближнего.

— Каковы ваши взгляды относительно газет и книг?

— В газетах и книгах, я считаю, неправильно пишут то, что касается религии, я верю всему, что написано в Священном Писании.

25 июля 1940 года следствие было закончено и протоиерея Николая осудили с материалами дела. 2 сентября 1940 года Особое Совещание при НКВД приговорило протоиерея Николая к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере и он был отправлен в Севжелдорлаг в Коми. Последнее письмо он прислал родным из поселка Кожва в начале 1943 года. Протоиерей Николай Тохтуев скончался в заключении 17 мая 1943 года и был погребен в безвестной могиле.

Празднование его памяти совершается в день кончины — 17 мая.

ПРИХОД ОТЦА НИКОДИМА

В книге Бориса Ширяева, написанной им в эмиграции, рассказано о тех мучениях, которые прошли тысячи наших соотечественников во время сталинских репрессий. Действие книги «Негасимая лампада» разворачивается на Соловках, в печально знаменитом Соловецком лагере особого назначения (СЛОН). Но и в других местах заключения и ссылки пастыри-подвижники силой духа не только преодолевали собственные лишения и болезни, но давали надежду и утешение всем, кто оказывался рядом с ними. До последних своих земных мгновений несли они людям свет Христовой веры.

...Свои пастырские обязанности отец Никодим выполнял и на Соловках. Наперсный крест серебряный, епитрахиль, ризу и камилавку отобрали в Кеми при последнем перед Соловками обыске. Евангелие оставили, это служителям культуры разрешалось. Последняя камлотовая, подбитая ватой ряска изорвалась на лесных работах до непристойности. Пришлось полы обрезать. Священническая шляпа, в которой он попал в тюрьму, давно уже пришла в полную негодность, и седую голову отца Никодима покрывал подаренный кем-то красноармейский шлем с ясно видневшимся следом отпоротой красной звезды.

Посылки с воли отец Никодим не получал. Но он не унывал. Сгорбленный под тяжестью последних лет восьмого десятка, он был необычайно бодр и крепок для своего возраста. Рубить дерево под корень он, правда, уже не мог, но при обрубке сучьев топор в его руках ходил лучше, чем у многих молодых, а скотником на Муксомолской ферме он считался незаменимым.

Лохмотья обрезанной рясы и мало подходящий к его сану головной убор не смущали отца Никодима.

— Попа и в рогоже узнаешь, — говорится в народе, а меня-то и узнавать нечего, без того все знают. Кроме того, не рогожа на мне, а материал знатный, в Киеве купил. Починить бы толком — век служил бы еще... Всё же «нужное» у меня в исправности.

Это «нужное» составляли: искусно вырезанный из дерева наперсный крест на веревочке, носившийся под одеждою, епитрахиль суконная, короткая, подбитая легким слоем ваты, и дароносица из плоской немецкой солдатской кружки с ловко подогнанной крышечкой.

— Зачем же вы епитрахиль-то ватой подстегали? Отец Никодим хитро улыбался.

— От соблазну. В случае обыск — чекист ее отобрать обязан. А я в грех его не введу, на себя грех возьму — нагрудничек по древности моей от кашля, а в кружечке — лекарство. Ему и свободно будет всё мне оставить.

С этим «нужным» для его перевалившего за полвека служения отец Никодим никогда не расставался. Святую Литургию он совершал ежедневно, встав раньше всех и забравшись в укромный уголок. Спал он по-стариковски, не более двух-трех часов.

От выполнения своего служения отец Никодим никогда не отказывался. Служил шепотком в уголках молебны и панихиды, исповедывал и приобщал Св. Тайн с деревянной струганой лжицы. Таинство Евхаристии он совершал над водой с клюквенным соком.

— Вина где ж я достану? А клюковка, она есть тоже виноград стран полуночных и тот же Виноградарь ее произрастил. Нет в том греха.

По просьбе группы офицеров он отслужил в лесу, на могиле расстрелянных, панихиду по ним и Царе-Мученике. Его же под видом плотника проводили в театр к пожелавшим говеть женщинам. Шпана ухитрялась протаскивать его через окно в лазарет к умирающим, что было очень трудно и рискованно...

— Что мне могут сделать? Ведь восьмого-то десятка всего один годик мне остался. Прибавляй, убавляй мне срок

человеческий, Господнего срока не изменишь! А с венцом мученическим перед Престолом Его мне, иерею, предстать пристойнее, — скажет отец Никодим и засмеется дробным стариковским смехом. Побегут к глазам лучистые морщинки, и поверишь, что так — со светлою, веселою радостью переступит он предельную черту.

С этою радостью прошел он весь свой долгий жизненный путь. С нею не расставался он и в дни свои последние, соловецкие. Этой же радостью своей стремился он поделиться с каждым, плеснуть на него водой жизни из сосуда Духа своего. За то и прозвали его «утешительным».

— ...Вот он мой приход, вишь какой, — махнул он рукой на ряды нар, — три яруса на обе стороны! Вот какой богатый приход! Такого поискать еще надо.

— Хороши прихожане, — сыронизировал я. — Что ж, они у вас исповедуются, причащаются? Обедни им служите?

— А как же? Врать тебе не буду: к исповеди мало идут, разве кто из вашей братии да мужики еще. Но душами примыкают многие. И служу по возможности.

— Здесь? В бараке?

— Здесь мы всего третий день. Еще не осмотрелись. А когда везли нас, служил.

— Разве вас не в «Столыпинском» вагоне везли? Не в клетках по трое?

— В нем самом.

— Как же вы служили? Там, в этих клетках, и встать нельзя.

— Самая там служба, — залучился улыбкой старик и, снова всунув голову в солнечную струю, прижмурил глаза, — там самая служба и была. Лежим мы, по одну сторону у меня жулик, а по другую — татарин кавказский, мухамед. Стемнеет, поезд по рельсам покачивает, за решеткой солдат ходит... Тихо... А я повечерие творю: «Пришедши на запад солнца, видевши свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа»... Татарин враз понял, что хвалу Господу Создателю воздаем, хотя и по-русски совсем мало знал. Уразумел и по-своему замолился. А жулик молчит, притулился, как заяц. Однако цыгарку замял и в карман окурков спрятал. Я себе дальше молитвую: «От юности моя мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой... Святым Духом всяка душа живится», а как дошел до Великого Славословия (это я всё шепотом молил, татарин тоже тихо про себя), на Славословии-то я и в полногласие вступил: «Господи Боже, Агнче Божий, вземляй грех мира, приими молитву нашу». Тут и жулик закрестился.

Так ежевечерне и служили все девять ден, пока в вагоне нас везли. Чем тебе не приход? Господь обещал: где во имя Его двое соберутся, там и Он промеж них, а нас даже трое было... Мне же радость: пребываю в узилище, повернуться негде, слова даже громко сказать боюсь, а духом своим свободен — с ближними им общаюсь и воспаряюсь с ними.

— Ведь они не понимали вас, молитвы ваши.

— Как это так не понимали? Молились, значит, понимали. Ухом внимали и сердцем разумели. А ты думаешь, ко Христу, человеколюбцу нашему, все умудренными шли? Нет, и к нему такие же шли, одинаковые. Ничего они не знали. Думаешь, они

рассуждали: вот Господь к нам пришел, спасение нам принес? Нет, браток. Прослышат, что человек необыкновенный ходит, слепых исцеляет, прокаженных очищает, они и прут на него глазеть. Придут, сначала, конечно, удивятся, а потом Слово Его услышат и подумают: стой, вот оно в чем дело-то! Телесные глаза, конечно, каждому нужны, но, окромя них, и духовное зрение еще существует. Как они это самое сообразят, то и сами прозревать начнут. Вроде котят. И с проказой тоже: одному Он, Человеколюбец, чудом ее с тела снимал, а сотням — с душ словом своим. Так и в Евангелии написано.

— Какие теперь чудеса, — с досадою отмахнулся я, — и прокаженных теперь нет. Исцелять некого.

— Нет? Нет говоришь? Прокаженных нет? — быстро зашептал, тесно лепя слово к слову отец Никодим. Улыбка сбегала с его лица, но оно по-прежнему лучилось ясным и тихим светом. — Ты не видал? Так смотри, — повернул он меня за плечи к рядам трехярусных нар, — кто там лежит? Кто бродит? Они! Они! Все они прокаженные и все они очищения просят. Сами не знают, что просят, а молят о нем бесловесно. И не в одном лишь узнице, в миру их того больше. Все жаждают, все молят...

Долгие зимние вечера на командировках много отличны от кремлевских. Нет ни театра, ни кино, ни яркого электрического света. Нет возможности пойти в другую роту, послушать беспрерывно обновляющуюся информацию «радио-парашу».

На командировке раздадут ужин пораньше, построит команду дежурный, просчитает и запрет барак. Чадит тюлений жир в самодельных копилках... Кое-кто ругается с тоски...

Случаев самоубийства в кремле (*соловецкая крепость — ред.*) я не знаю, а на глухих командировках кончали с собой многие. Затоскует человек, добудет обрывок веревки... вот и всё. Или на сосне найдут или утром висящим в углу барака обнаружат.

Такого затосковавшего отец Никодим разом узнавал своими бесцветными, с хитринкой глазками. Вечерком в бараке, а то и днем на работе будто невзначай с ним разговаривается. Начнет совсем про другое, расскажет, как он, будучи в киевской семинарии, яблоки в архиерейском саду воровал и попался на этом деле. Посмеется. Или попадью свою вспомнит, садик, пасеку. Смотри по собеседнику. И тот повеселеет. Тут ему отец Никодим и шепнет тихонечко:

— Ты, сынок, Николе Угоднику помолись и Матери Божией «Утоли моя печали». Так и так, скажи, скорбит раб Божий имя рек, скорбит и тоскует... Прими на себя скорбь мою, Заступница, отгни от меня тоску, Никола Милостивый... И поможет. Да почаще, почаще им о себе напоминай... У Святителю дела много. Все к нему за помощью идут. Может и позабыть. Человек он старый. А ты напомни!..

Как ручеек из-под снега, журчит тихая речь Утешительного попа. Смывает с души тоску ручеек... Светлеет чадная тьма барака.

— Ты молодой еще. Кончишь срок — домой поедешь, а не домой, так в Сибирь, на свальную... Что ж, и в Сибири ведь люди живут. Даже похваляют. Жена к тебе приедет...

Вспыхивала радужным светом Надежда. Загоралась пламенем Вера, входили они в черное, опустошенное, перегорелое сердце, а из другого, светлого, лучисто улыбалась им Любовь и Мудрость немудрящего русского деревенского Утешительного попа.

..Но Секирки и мученического венца отец Никодим не миновал. На первый день Рождества вздумали всем лесным баракком — человек двадцать в нём жило — обедню отслужить

затемно, до подъема, пока дверей еще не отпирали. Но, видно, припозднились. Отпирает охрана барак, а там отец Никодим Херувимскую с двумя казаками поет. Молившиеся успели разбежаться по нарам, а эти трое были уличены.

— Ты что, поп, опиум здесь разводишь?

Отец Никодим не отвечает — обедню прерывать нельзя — только рукой помахивает.

Все трое пошли на Секирку.

Весной я спросил одного из немногих, вырвавшихся оттуда, знает ли он отца Никодима?

— Утешительного попа? Да кто же его не знает на Секирке! Целыми ночами нам в штабелях «священные сказки» рассказывал.

— В каких штабелях?

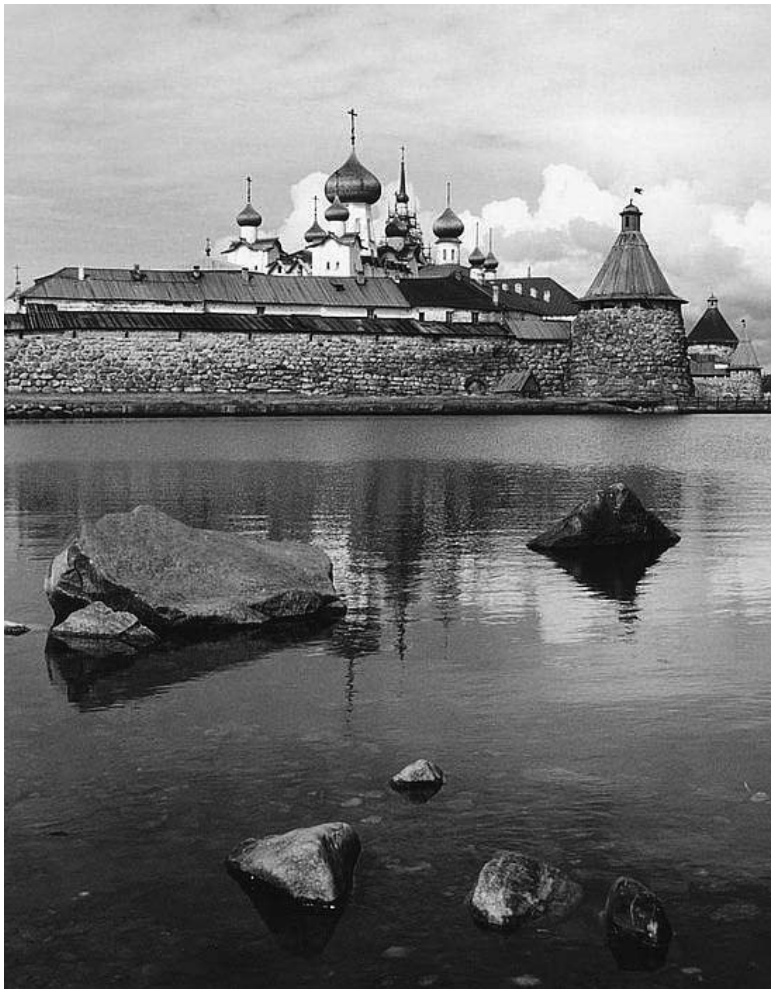
— Не знаете? Не побывали еще в них? Ну, объясню. Зимой Секирная церковь, где живут штрафные, не отапливается. Верхняя одежда и одеяла отобраны. Так мы такой способ изобрели:

спать штабелями, как баланы кладут. Ложатся четыре человека в ряд, на бок. На них — четыре поперек, а на тех еще четыре, снова накрест. Сверху весь штабель имеющимся в наличии барахлом укрывают. Внутри надыхают и тепло. Редко кто замерзнет, если упаковка тщательная. Укладывались же мы прямо после вечерней поверки. Заснуть, конечно, не можем сразу. Вот и слушаем «священные сказки» Утешительного попа... и на душе светлеет... Отца Никодима у нас все уважали, епитрахиль ему соорудили, крест, дароносицу...

— Когда же он срок кончат?

— Кончил. На самую Пасху. Отслужил ночью в уголке Светлую Заутреню, похристовосовался с нами. Потом в штабель легли досыпать, он же про Воскресение Христово «сказку» сказал, а наутро разобрали штабель — не встает наш Утешительный. Мы его будим, а он холодный уже. Надо полагать, придушился, — в нижний ряд попал. Это бывало. Сколько человек он у нас за зиму напутствовал, а сам без напутствия в дальний путь пошел...

Впрочем, зачем ему оно? Он сам дорогу знает.

ДЕД МОРОЗ В ПРИЮТЕ «КОЛОСОК»

Задолго до наступления Рождества Христова прихожане Донской церкви во главе с Настоятелем посетили детский приют «Колосок». Столь ранний визит был обусловлен тем, что большинство детей, которые в настоящее время находятся в приюте, отправились на каникулы в санаторий.

Немного погодя, после того как отец Настоятель побеседовал с ребятами, расспросил их об их житье-бытье, в дверь позвонили. Это пришел Дед Мороз с подарками. Ребята читали стихи и пели песни, и каждый получил новогодний подарок. Затем водили хоровод вокруг наряженной елки. Отец Александр пожелал ребятам в наступающем году доброты и исполнения мечтаний. А мечтают ребята — все до одного! — и в праздники, и в будни быть рядом со своими родителями, в своем, пусть и небогатом, но родном доме.

Встреча в приюте «Колосок»

ПРАЗДНИК В ТРАПЕЗНОЙ

На православном календаре конец декабря — приближение к самой строгой седмице Филиппова поста. Эти дни — преддверие гражданского Нового года, который тоже отмечается в семьях с надеждой на лучшее, с пожеланиями добра и благополучия.

Необычно проходила одна из воскресных трапез. На нее, как всегда, пришли люди одинокие и малоимущие, нуждающиеся в социальной защите и человеческом внимании.

Дед Мороз, который в эти дни заходит в дома, посетил и нашу трапезную. Этот неожиданный визит врасплах никого не застал. Полный мешок подарков, как в детстве, приковывал взоры. Каждый из присутствующих показал свои способности: люди пели песни своей молодости, те, кто помоложе, читали стихи, а Геннадий Николаевич Митин с большим успехом исполнял шуточные куплеты.

Но самое большое впечатление оставило импровизированное трио: отец Герман Григорьев, отец Алексей Горшков

Дед Мороз желает радости и добра

и отец Александр Краля исполнили русские народные песни. В целом получился импровизированный праздник общения и радости накануне Нового года.

СВЕТ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЗВЕЗДЫ

Главное событие этих дней — Рождество Христово. После недели строгого поста, после Сочельника, который традиционно прошел в хлопотах перед великим праздником, состоялась торжественная рождественская Литургия. В храме царил необычайная атмосфера — в ней сочетались тепло и уют

Рождественская ночь

домашнего праздника, и всеобщая радость исполнения великих пророчеств, и торжество веры, объединяющей и укрепляющей всех, кто пришел прикоснуться к этому вечно новому чуду рождения Богомладенца.

Песнопения Рождества пронизаны ликованием и надеждой. Люди, которые побывали в храме в эту святую ночь, надолго сохраняют в сердцах этот свет, олицетворением которого стала Вифлеемская звезда.

Вдвойне счастливы те, кто на этой Литургии причастился Святых Христовых Таин. И сколько бы ни прошло земных лет, мы все были и остаемся свидетелями Рождества Спасителя, вместе с пастухами и волхвами, которые принесли к ногам Младенца Христа свои щедрые дары — золото, символизирующее веру, ладан как символ молитвы, и смирну в знак смирения.

КОЛЯДКИ И РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕРТЕП

Старинная Рождественская традиция — колядки. Во многих населенных местностях из уст в уста передавались тексты народных рождественских песнопений, которыми славили родившегося Спасителя, поздравляли друг друга и желали счастья. Началом возрождения старинной традиции соборного празднования Святых дней стал в Донской церкви вечер 8 января.

После вечерней службы, посвященной первомученику архидиакону Стефану, в храме начались колядки. Правый хор

Колядки в храме

Вертеп понравился всем — от мала до велика

изумительно исполнял колядки и рождественские песнопения, которые не слишком хорошо известны современному человеку, но возвращают слушателя в дни древние. Они спели, в частности, две белорусские колядки, и одну русскую — в современной обработке.

Затем украинские и русские колядки исполнил сводный хор духовенства и алтарников Донской церкви, а также священнослужителей, приглашенных на праздник.

Колядки звучали в храме антифонно (попеременно в исполнении правого и сводного хоров).

В продолжение праздника в актовом зале Православного культурно-просветительского центра был показан старинный русский Вертеп. Кукольное представление в исполнении фольклорного ансамбля «Веретенце» с интересом посмотрели и взрослые, и дети.

Это был яркий рассказ о евангельских событиях, связанных с Рождеством Христовым: о Вифлеемской звезде и дарах волхвов, об избииении младенцев и бегстве Святого Семейства в Египет. Артисты ансамбля и пели, и сопровождали представление игрой на народных музыкальных инструментах.

В завершение этого удивительного действия артисты ансамбля «Веретенце» спели колядки: благодаря этому зрители смогли услышать их в таком исполнении, в каком их пели в русских деревнях два-три века назад.

БОГОСЛОВСКИЕ КУРСЫ – ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

В тот же вечер 8 января в трапезной были накрыты праздничные столы. Так слушатели богословских курсов, которые уже полгода работают в Православном культурно-просветительском центре, решили поздравить своих преподавателей, а также священников Донской церкви.

За праздничным столом поздравляли преподавателей

На богословских курсах занимаются люди самого разного возраста и различных профессий. Их объединяет желание как можно больше узнать о библейской истории, о жизни Православной Церкви, о литургии и церковно-славянском языке. Со временем оказалось, что их объединяет и нечто большее: общая молитва, опыт богообщения во время Богослужений. И каким бы индивидуальным ни был путь каждого, все в конечном счете пришли к одному: к храму Божьему. Вот почему быстро сплотился коллектив единомышленников.

На вечер звучали рождественские колядки, преподавателям приготовили подарки. Вечер запомнился всем теплой, почти семейной атмосферой.

ДЕТСКИЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПРАЗДНИКИ НОВОГОДНЕЙ ЕЛКИ

12 января, накануне празднования старого Нового года в актовом зале Православного культурно-просветительского центра прошла елка для детей младшего возраста. На нее были приглашены не только маленькие прихожане Донской церкви, но и ребята из многодетных и малообеспеченных семей. По просьбе отца Настоятеля пригласительные билеты им передали сотрудники Мытищинского территориального управления социальной защиты населения.

К гостям обратился отец Настоятель. Он поздравил всех —

Новогоднюю сказку рассказала Снегурочка

явился пастухам и рассказал о великом событии, которое произошло в одинокой пещере. Пастухи и волхвы, пришедшие на свет Вифлеемской звезды к вертепу, возвестили радость всему миру.

Затем в исполнении концертной группы студии «Скерцино» был показан музыкальный спектакль о новогодних приключениях Маши и Вити. Ребята продемонстрировали и свои музыкальные способности, и артистизм.

Участники рождественского спектакля

Участники кукольного спектакля

и детей, и родителей — с Рождеством Христовым и пожелал им радости и добра.

В представлении приняли участие воспитанники детской музыкальной студии «Скерцино» и учащиеся воскресной школы. Сначала была рассказана новогодняя сказка про то, как нарядили Елочку. Сказку эту рассказала зрителям Снегурочка — самая настоящая, с длинной пшеничной косой. Маленькие артисты выступали самозабвенно и вдохновенно, несмотря на вполне понятное волнение. Красочные костюмы, плод труда взрослых, сделали этот праздник ярким, многоцветным и радостным.

Затем было показано кукольное представление по известной народной сказке про несчастного Кота, которого хозяин выгнал из дома и который, сам того не ведая, напугал всех лесных обитателей. Публика смеялась от души, а когда из-за ширмы вышли кукловоды, их встретили бурной овацией.

А потом дружно позвали Деда Мороза — и он пришел. Мешок в его руках был совсем небольшой, но удивительным образом подарков хватило всем. А юные артисты получили еще и поощрительные призы.

А 13 января состоялась вторая елка — для детей школьного возраста и подростков. В этот день было показано другое представление. Учащиеся воскресной школы показали спектакль о Рождестве Господа нашего Иисуса Христа. Ангел

КРЕЩЕНИЕ И ВЕЛИКОЕ ОСВЯЩЕНИЕ ВОДЫ

Праздник Крещения Господня прошел в Донской церкви при большом стечении прихожан. Накануне, в Крещенский сочельник совершалась Литургия с великим освящением воды. Ночью была совершена праздничная крещенская Литургия, после которой вновь было совершено освящение воды. Затем

За святой водой

многие прихожане отправились к Иордани, которую традиционно прорубают в речке, которая течет у Благовещенского храма в Тайнинском. Известно, что человек, который окунается в крещенские воды с верой, во имя Отца, и Сына и Святого Духа, выходит из Иордани обновленным и полным сил. Удивительным образом крещенские купания дают заряд бодрости и здоровья на весь предстоящий год.

За праздничной трапезой собрались все, кто принимал участие в ночной службе.

Утром 19 января вновь была совершена торжественная крещенская Литургия, после которой вновь, уже в третий раз прошел чин торжественного освящения воды.

Во время проповеди священники поясняли смысл праздника, рассказывали о значении святой воды.

И вечером накануне Крещения, и днем к храму тянулась длинная очередь. Несмотря на студеной ветер и сырую погоду люди готовы были стоять часами, чтобы набрать святой воды. В очереди обменивались информацией, какая вода «сильнее»: «Крещенская» или «Богоявленская». Занимали очередь далеко за территорией храма.

Святую воду люди как великую драгоценность принесли в дома и будут хранить ее весь год, прибегая к ее целительному воздействию в болезнях, в печали и радости.

«АРМЕЙСКИЕ» ГАСТРОЛИ СТУДИИ «СКЕРЦИНО»

Солдатам представление понравилось

Музыкальный спектакль «Новогодние приключения Маши и Вити», который пользовался таким оглушительным успехом в стенах нашего Православного культурно-просветительского центра, в дни Крещенских праздников был показан военнослужащим воинской части № 41427, дислоцированной на территории города Мытищи.

В начале представления в зале были хмурые лица солдат, которых, конечно, не слишком вдохновила перспектива увидеть детскую сказку (но — была команда, значит так тому и быть!).

Ребята сначала немного смущались, но потом музыка и действие увлекли юных артистов, и спектакль пошел «как по нотам». К финалу представления весь зал уже дружно аплодировал, на лицах появились улыбки, и стало видно, что это молодые ребята, за плечами у которых, вполне возможно, еще недавно были такие же выступления на школьной сцене.

«С Новым годом и Рождеством!» — пожелали ребята со сцены. Затем отец Александр обратился к военнослужащим с заключительным словом, рассказал им об Иоанне Крестителе, память которого праздновалась в этот день, и пожелал молодым воинам быть друг к другу добрыми и поддерживать в коллективе дух взаимовыручки и товарищества. Тогда все трудности преодолеваются значительно легче.

«С Рождеством Христовым и Новым годом!» — звучит со сцены

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ КИНОПОКАЗ

20 января в актовом зале Православного культурно-просветительского центра состоялся показ кинофильмов — участников кинофестиваля «Верное сердце». Генеральный директор студии детских и юношеских фильмов «Илья Муромец» Александр Ковтунец рассказал о том, как создавались эти киноленты. Каждый год авторы фильмов старались рассказать еще одну рождественскую историю со счастливым концом. Так были созданы фильмы «Рождественская девочка», «Счастливая звезда» и «Софи». Последний фильм жюри кинофестиваля «Верное сердце-2006» признало победителем.

Зрители с интересом просмотрели все три фильма и выразили надежду, что такие кинопоказы будут проходить в приходе Донской церкви регулярно.

Александр Ковтунец перед показом фильмов

ПОДАРКИ ОТ ПРИХОЖАН ОТПРАВЛЕНЫ В БЕЛОМУТ

Зимушка-зима в этом году что-то очень долго не приходила в Подмоскovie во всей своей белоснежной красе. То выпадет ночью снег на холодную скользкую землю, а днем — снова лужи. Не радовала нас погода и 22 января — на этот день была намечена очередная поездка в школу-интернат в поселке Белоомут.

С помощью наших прихожан собраны для детей подарки — это, как и всегда, развивающие и настольные игры, мозаика, конструкторы, много ярких красивых мячей для футбола, баскетбола, волейбола; это бадминтон, настольный теннис, эспандеры, напольные вращающиеся круги для укрепления позвоночника. А еще — куклы для маленьких девочек, нитки, пуговицы и лоскутки для рукоделия. 3 отдельных коробках — 45 новогодних сладких подарков для каждого школяра.

Все готово к отъезду, за рулем о. Алексей, рядом с ним Александр Николаевич Погодин, сзади — автор этих строк. Заработал мотор, включено радио: «Вниманию тех, кто за рулем! На МКАДе, на Ярославке, Садовом кольце и Новорязанском шоссе — пробки. Скорость — 5-10 километров в час».

Как же нам преодолеть расстояние в 200 километров? Но нас ждали дети, и, несмотря на трудности пути, наша машина благополучно остановилась у здания школы. Дети бежали навстречу, радостно приветствовали гостей и сразу же пригласили на подготовленный специально для нас концерт. Детской непосредственностью ряженные «ходили по дворам», пели рождественские колядки, плясали, водили хороводы в ярких замысловатых костюмах, изготовленных срочно и собственноручно. Всем было очень весело!

Со словами благодарности за теплый прием обратился к учителям и детям о.Алексей, пожелав детям прилежания в учебе, крепкой дружбы и взаимопомощи, а их наставникам — терпения, доброты и сердечности. Так завещал нам Господь и Пресвятая Богородица, к Ним надо с молитвой обращаться в трудные минуты жизни. Наши подарки пришлись по вкусу всем — и детям, и взрослым, они просили передать прихожанам Донской церкви самые добрые пожелания в наступившем году и сердечную благодарность за подарки.

Анна Мальковская.

ПРИСЯГА НА ВЕРНОСТЬ ОТЕЧЕСТВУ

В декабре завершился второй и последний призыв юношей на воинскую службу сроком на полтора года. Позади у нового пополнения Российской Армии — месяц обучения. И вот настал волнующий день принятия присяги на верность Родине.

В воинской части № 41101 на торжественном построении по случаю принятия присяги, которое состоялось 26 января,

Новобранцам впервые доверено боевое оружие

Священник Герман Григорьев перед солдатским строем

побывал священник Борис Тимофеев, клирик Донской церкви. Напутствуя солдат, он сказал: «Жизнь в трудные минуты дает человеку возможность лучше узнать самого себя, проявить или самые лучшие, или наихудшие свои качества». Отец Борис пожелал ребятам помощи Божией в армейской службе, и выразил надежду, что, сталкиваясь со всеми трудностями, они проявят свои самые лучшие качества.

А 27 января на площади у Вечного огня в память воинам Великой Отечественной принимали присягу новобранцы воинской части № 41427.

Родственники и близкие вглядываются в родные повзрослевшие лица вчерашних мальчишек, которые выглядят уже по-новому, значительно и сурово.

Один за другим, чеканя шаг, выходят солдаты, волнуясь, произносят слова, которые не отменит ни жизнь, ни даже смерть. Морозное январское солнце озаряет их лица ясным светом: открывается новая страница в их биографии. Строго и внимательно слушают офицеры: каждый их них навсегда сохранил в памяти свой день принятия присяги.

Замер солдатский строй. Сегодня ребятам впервые доверено настоящее боевое оружие.

Клирик Донской церкви священник Герман Григорьев обратился к солдатам с коротким напутствием. Отец Герман напомнил имена великих русских полководцев, которые причислены Церковью к лику святых. Он сказал: «Мы знаем героев, которые отдали свою жизнь за Родину. Это подвиг. Но не меньшим подвигом порой является то честное служение Отечеству, которое требует каждодневного труда, постоянно-го самосовершенствования, полной самоотдачи».

ПУБЛИКАЦИЯ НАШИХ ПРИХОЖАН

Вышел в свет 72-й выпуск литературного альманаха «Третье дыхание». Наряду с современными московскими литераторами публикуются произведения и авторов ушедших эпох. Предваряет выпуск подборка стихотворений нашего прославленного земляка Дмитрия Кедрина, 100-летие со дня рождения которого литературная общественность отметила год назад.

Среди авторов альманаха можно встретить и хорошо знакомые прихожанам Донской церкви имена: Лариса Розина и Олег Ширяев.

И Лариса, и Олег — неутомимые труженики. Они всецело отдают себя работе в храме и служению людям.

Лариса утешает письмами и посылками людям, которые в настоящее время находятся в местах заключения, а также занимается с детьми кукольным театром. Благодаря трудам Олега цветы вокруг нашего храма, сменяя друг друга в зависимости от сезона, говорят о вечной красоте и нежности.

Лариса Розина и Олег Ширяев, каждый по-своему, обращаются к Богу с молитвой, а к людям — со своими стихами. Порой и в стихотворных строчках слышится молитвенное воззвание:

Вот снова, Господи, смиряешь,
И я Тебя благодарю!
Ты лучше всех на свете знаешь,
Как я мучительно люблю,

*Литературный альманах
«Третье дыхание»*

Как непростительно немое,
И как нелепо ухожу,
И о любви сказать не смею,
И нужных слов не нахожу, -

это строчки из стихотворения Ларисы. А вот как звучит поэтический голос Олега:

Ублажаю тебя, мой Хранитель,
Мой святой, твое имя ношу.
Далеко та святая обитель,
Но молитву к тебе приношу.

Защити меня, княже Олеже,
Помоги крестный путь одолеть.
О, как стыдно мне будет, невеже,
На Суде в очи Божьи смотреть!

Поздравляем Ларису Владиленовну и Олега Леонидовича с литературным дебютом и желаем новых вершин в литературном творчестве.

СВЯТЫЕ ИМЕНА

НИЩЕТУ ХРИСТОВУ ВОЗЛЮБИВШАЯ

6 февраля (24 января по старому стилю) совершается память святой Блаженной Ксении Петербургской.

Блаженная Ксения родилась в начале XVIII в. в знатной и богатой семье. Восемнадцати лет она вышла замуж за Андрея Федоровича Петрова, придворного певчего и полковника. Чета была бездетной, но в их доме всегда царили удивительный мир и согласие.

Недолго пришлось Ксении наслаждаться семейным счастьем: внезапная смерть мужа без покаяния и причастия потрясла молодую и благочестивую женщину и навсегда изменила ее жизнь. Родные решили, что из-за страшного горя рассудок оставил Ксению: отныне она не откликалась на свое имя и просила всех называть себя «Андреем Фёдоровичем», говорила, что Ксения умерла. Раздав все имущество бедным, а дом отписав своей знакомой Параскеве Антоновой, она надела платье мужа и пошла скитаться по улицам Петербурга. Желая вернуть имущество, родственники пытались объявить Ксению безумной, но врачи, проверив молодую вдову, нашли, что она в здравом уме.

Ксения взяла на себя подвиг юродства Христа ради, чтобы всей своей жизнью вымолить у Бога прощение прегрешений своего мужа Андрея.

Блаженная не имела постоянного места жительства: днем она бродила по городу, чаще всего по Петербургской стороне, а ночью уходила в поле и там молилась. Изредка она оставалась

Святая блаженная Ксения Петербургская

ночевать в домах знакомых ей благочестивых женщин.

Необычный вид Ксении, ее несвязные речи и лохмотья стали объектом насмешек уличных мальчишек. Они бежали за ней и бросали ей вслед камни и комья грязи. Но блаженная кротко сносила все оскорбления. Позже, когда люди уже начали почитать ее за угодницу Божию, они оградили ее от издевательств уличных сорванцов.

Когда одежда мужа совсем истлела, блаженная стала носить красную кофту и зеленую юбку. Даже в сырые осенние петербургские ночи Ксения не замерзала: Господь хранил ее. Когда Ксении

предлагали деньги, она брала лишь «даря на коне» — копейки с изображением святого Георгия, которые тут же раздавала другим нищим. Купцы отдавали ей свои собольи шапки, богатые горожане — теплую одежду, но она ничего не брала. Да и милостыню брала не у всех, а Ксению многие старались зазвать в дом, накормить и обогреть. Если она соглашалась, это считалось добрым предзнаменованием. Торговцы на базаре наперебой предлагали ей калачи, и тот, у кого она брала калач или баранку, не оставался с этот день без выручки. Даже извозчики норовили прокатить ее и знали, что это всегда приносит удачу.

В эти годы на Смоленском кладбище строилась новая каменная церковь во имя Смоленской иконы Божией Матери. Рабочие, трудившиеся на строительстве храма, вдруг стали замечать странные вещи. По ночам кто-то носил кирпичи на леса церкви, чтобы каменщики уже с утра могли приступать к кладке стен. Позже узнали, что это блаженная Ксения трудится по ночам, перетаскивая кирпичи на леса.

Своим подвигом Ксения стяжала дар прозорливости и исцеления. Однажды она предсказала кончину Императрицы Елизаветы. Другой раз, зайдя в гости к знакомой семье Голубевых, она внезапно сказала их незамужней дочери: «Ах, девушка, вот ты тут сидишь, чулок вяжешь, а твой муж-то на Охтинском кладбище сейчас свою половину хоронит, да горько плачет!». Изумленная девушка поспешила на кладбище и

там увидела молодого доктора, в беспомощности лежавшего на могиле жены, которая, как оказалось, недавно скончалась при родах. Девушка привела его в чувство и проводила до дома. А вскоре Ксения уже благословляла на счастье молодую невесту доктора.

Таких случаев было множество. Если она приласкает больного ребенка, он вскоре выздоравливал. В тех домах, куда она заходила, воцарялись мир и

счастье, а нуждающиеся получали хорошие места.

Блаженная Ксения несла подвиг юродства Христа ради 45 лет и скончалась около 1803 года. Паломничество к месту ее упокоения было столь велико, что верующие дважды разбирали по горсточке насыпанный на ее могиле земляной холм. Бывало, что к могиле святой в день приходило до пяти тысяч человек. Когда на могилу положили каменную

плиту, она была разбита на кусочки и разнесена по домам тысячами верующих. В 1902 году над могилой Ксении была сооружена часовня.

После многолетнего народного почитания блаженная Ксения Петербургская, Христа ради Юродивая, на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, который состоялся в 1988 году, была причислена к лику святых.

НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ...

15 февраля отмечается великий двенадцатый праздник Сретения Господня.

Праздник Сретения Господня установлен Церковью в память о том, что на сороковой день после Рождества Христова Дева Мария и праведный Иосиф Обручник принесли Его в Иерусалимский храм, чтобы по ветхозаветному установлению совершить за своего первого ребенка благодарственную жертву Богу.

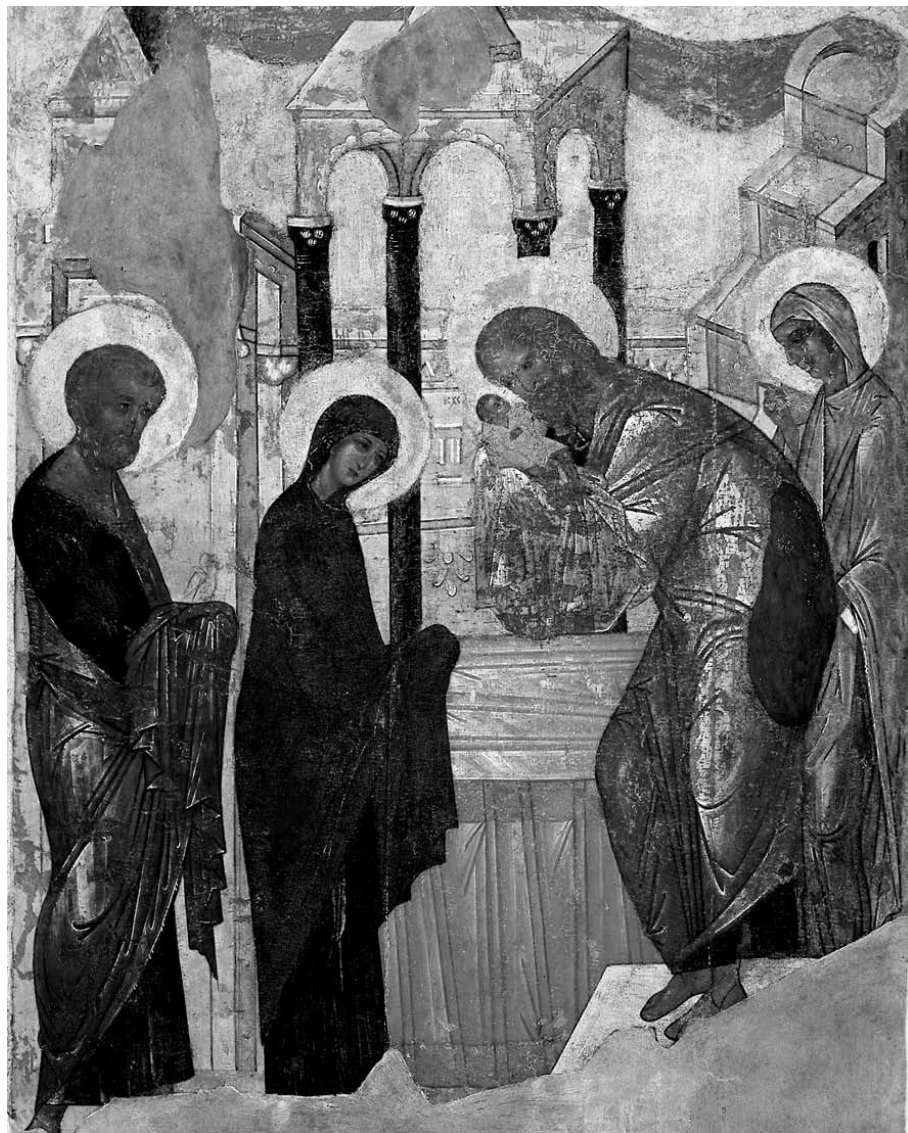
В это время в храме находился святой праведный Симеон — по преданию, один из переводчиков Священного Писания Ветхого Завета.

За свои глубокие богословские познания и широкое лингвистическое образование праведный Симеон, в числе прочих семидесяти двух старцев, был приглашен в Александрию известным любителем просвещения, египетским царем Птоломеем Филадельфом, для перевода Святой Библии с еврейского языка на греческий. Перевод этот впоследствии получил название перевода семидесяти толковников.

На долю праведного Симеона Богоприимца выпало переводить и книгу пророка Исайи. Когда переводчик дошел до известного пророческого места о рождении Спасителя: «Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут Ему имя Еммануил», — он глубоко задумался над словом «Дева» и недоумевал, как передать его в переводе. Как говорит предание, он хотел было уже выскоблить слово «Дева» и заменить его выражением «Жена», но во время этих «сомнительных помышлений» был удержан от исполнения своего намерения чудным видением Ангела и даже получил от него обещание «не видети смерти, прежде даже не увидит Христа Господня».

Евангельский текст повествует об этом кратко: «Ему было предсказано Духом Святым, что он не увидит смерти, доколе не увидит Христа Господня» (Лк. 2,26).

Духовно узрев в Младенце Иисусе ожидаемого им Спасителя, праведный Симеон взял Его на руки и произнес слова: «Ныне отпускаешь раба своего,

Сретение. Андрей Рублёв. XV в.

Владыко, по глаголу Твоему с миром» (Лк. 2, 29-32), — означающие: «Господи, теперь Ты отпускаешь меня из этой жизни в будущую, как мне обещано Тобой, и теперь я умру спокойно, потому что собственными глазами видел Спасителя мира». Об этом же свидетельствовала и жившая при Иерусалимском храме престарелая вдова, пророчица Анна.

Сретение (то есть встреча) Богомладенца Христа праведным Симеоном

Богоприимцем — это и встреча Ветхого и Нового Заветов, Закона Божия, данного еврейскому народу — и нового, высшего Закона Божественной любви, принесенного миру Иисусом Христом.

На следующий день праздника Сретения Господня — 16 февраля — Церковь особо почитает святых праведных Симеона Богоприимца и Анну пророчицу, встретивших Младенца Христа в Иерусалимском храме.

ПОЕЗДКА В СЕРГИЕВ ПОСАД

Накануне Нового года состоялась поездка слушателей богословских курсов в Троице-Сергиеву лавру. 36 человек вместе с преподавателем курсов священником Олегом Мумриковым после ранней Литургии отправились на электричке в Сергиев Посад. Для некоторых эта поездка стала первым знакомством с духовным источником земли московской, а кто-то в очередной раз посетил давно знакомые места.

Уже в пути некоторым довелось ощутить значительность и важность того, что называется образом жизни и мысли православного христианина. Завязался разговор о посещениях монастырей, и через некоторое время к разговору подключился сидевший рядом мужчина, которому захотелось, чтобы его приятеля перевоспитали. Полушуточная просьба вызвала бурную дискуссию. Она оставила в сердцах ее участников мысль о том, что каждое слово, исходящее из уст христианина — важно, и каждый поступок его должен быть обдуман и совершен от чистого сердца, ведь рядом может оказаться тот, кто только ищет Бога и кому наше слово и наша помощь могут оказаться нужными.

Вот уже и Лавра. Радостная встреча и знакомство. Удивительно, что для некоторых это знакомство стало моментом «узнавания». Было ощущение, что попали домой. Все казалось родным, близким и знакомым, словно сама душа узнавала окружающее.

Воскресный день выдался солнечным и морозным: на голубом небе ни облачка, лучи солнца отражаются от куполов и крестов и создают ощущение присутствия на празднике жизни; кажется, что солнышко приветствует нас у преподобного Сергия, радуется нашему приезду.

У входа в Лавру нас встретил молодой монах, который провел экскурсию по территории монастыря, потом студент второго курса Московской Духовной Академии рассказал нам об экспонатах Церковно-археологического Кабинета при Академии, и наконец отец Олег провел нас по тем местам, куда не попасть простому паломнику и которые дороги ему как человеку, 8 лет проведенному в стенах Лавры в качестве студента Семинарии и Академии.

Мы узнали, что Лавра — это город монахов, и что на территории России только две лавры: Троице-Сергиева под Москвой и Александро-Невская в Санкт-Петербурге. Троице-Сергиева Лавра — самая большая. В ней проживает 300 монахов, среди которых немало почитаемых старцев.

Архитектурный ансамбль Лавры в настоящий момент продолжает восстанавливаться, ведь реставрационные работы начались только в 40-е годы XX века. Нам рассказали о том, каким разрушения подверглась она после революции: Мы узнали, как сбрасывали с колоколни семидесятидвухтонный

колокол, отчего произошло небольшое землетрясение и треснули стены многих храмовых зданий, веками украшавших монастырские земли; о том, что в здании Трапезной церкви был кинотеатр, и в нем уничтожили все старинные фрески; о том, что не уцелели бесценные фрески Андрея Рублева на стенах Троицкого храма; о том, что в алтаре семинарской церкви был абортарий, о чем сейчас напоминает десница Божия над входом, держащая души спеленатых младенцев и о многом другом.

Каждый храм Лавры имеет свою историю. Самый старинный храм — **Троицкий**. Он устремляет ввысь свои белокаменные стены с узкими окнами-бойницами. Оказывается, раньше не было стекол, а зимой храм не отапливался, поэтому делали такие узкие окна и в холодное время года закладывали их кирпичом. В храмах было очень мало света, что вызвало к жизни особый стиль русской иконописи, в котором используются светоотражающие краски. Стены Троицкого храма незаметно для глаза сужаются кверху, что делает церковь внутри значительно больше, чем кажется снаружи.

Церковь Святого Духа замечательна тем, что является одновременно и колокольной. Таких храмов почти не осталось на Руси. До сих пор звонари поднимаются к колоколам по приставной лестнице, что представляет собой весьма рискованное занятие.

Успенский храм, самый большой в Лавре, был построен по повелению Ивана Грозного и представляет собой точную копию Успенского собора Кремля, только увеличенную в размерах. Освящен он был при сыне Ивана Грозного Федоре Иоанновиче. Но самым удивительным является то, что ни в одном другом русском храме роспись стен не была произведена так быстро. Как правило, процесс росписи занимает от 3-х до 10-ти лет. В Успенском же храме бригада из 35-ти иконописцев расписала собор за 3 месяца. Невиданный не только для того времени, но и для современных технологий срок!

Свои особенности имеет и **Трапезный храм**. Первоначально это были трапезные палаты, подаренные монастирю Петром I, построенным на территории Лавры еще несколько зданий. Со временем в этом здании была открыта церковь. Архитектура внутренней части здания представляет собой экспериментальный для того времени проект. Своды здания имеют арочную конструкцию и держатся не на колоннах, как это было принято раньше, а на железных распорках, находящихся в верхней части. Такое архитектурное решение высвобождает дополнительное пространство за счет увеличения толщины стен.

В этом храме находится старинный иконостас, перенесенный сюда в XIX веке из московской церкви Успения, разрушенной в годы гонений. В помещении Трапезного храма после революции был кинотеатр. Росписи были уничтожены, и сейчас храм расписан заново. Слева от алтаря написано буквами церковнославянского письма: *«Кто растлит храм Божий — того растлит Бог»*. Думаю, поразному сложились судьбы тех, кто надругался над святыней, храм же устоял и возродился для новых поколений христиан.

Замечательной постройкой лаврской архитектуры является **колокольня**. Ее высота составляет 88,4 м. Это одна из самых высоких колоколен в России. Отец Олег рассказал, что когда они окончили семинарию, им разрешили забраться наверх, чтобы позвонить в колокола. Внутри колокольни семинаристы обнаружили не только многочисленные лестницы, но и сильный ветер, гуляющий на всех ярусах здания. Купол колокольни представляет собой красивую чашу с коронами по 4-м сторонам. Сейчас купол сверкает новой позолотой, виден издали и зовет к себе всякого, проходящего мимо.

Церквей в Лавре очень много. Всего насчитывается более двадцати престолов в разных храмах. Особенное впечатление произвела на нас небольшая церковь Московской Духовной Академии в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Именно в этой церкви принимали дьяконский и священнический сан священнослужители нашего прихода: о. Александр, о. Олег, о. Герман, о. Борис и дьякон Сергий.

После экскурсии по территории Лавры нас провели в Церковно-археологический Кабинет при Московской Духовной Академии с огромным количеством интересных экспонатов. Учащийся 2 курса Академии рассказал нам о Святейшем Патриархе Алексии I, чья келья находится в одной из комнат музея, показал старинные священнические облачения, различные виды крестов и икон, в том числе иконы, написанные на воске и вырезанные на морской кости. В музее хранятся монеты, которыми платили штраф за ношение бороды, рукописные книги Священного Писания и многое, многое другое. Особой святыней музея являются вещи, лично принадлежавшие преподобному Сергию Радонежскому.

После посещения музея и церкви Академии мы побывали в большом корпусе, семинарской церкви, вышли за монастырскую стену и посмотрели, какой вид открывается на Лавру, посетили Никоновский придел и Серапионову палату.

И, наконец, настало время прикоснуться к главной святыне — мощам святого преподобного Сергия Радонежского, находящимся в Троицком храме. Я и еще несколько человек приехали рано утром, поэтому сразу же попали в храм к преподобному Сергию, где уже шла ранняя Литургия. Мы вошли в храм и оказались в притворе перед аркой входа в среднюю часть храма. Церковь была полна народа, так что вначале казалось, что пройти внутрь невозможно нет. Мы стояли и слушали необычное пение хора, погрузившее нас в давно минувшие времена. В церкви было темно, паникадила не горели. Было ощущение тайны и торжественности. Постепенно мы все же оказались у мощей батюшки Сергия и так и стояли рядом с ним до конца службы в тайном молитвенном общении. После литургии был прочитан акафист преподобному Сергию, и лишь тогда мы решились покинуть храм.

Те, кто попал в храм в конце экскурсии по Лавре, тоже смогли прикоснуться к благодатной святыне, ведь батюшка Сергий радуется всем приходящим на эту святую землю со своими скорбями и радостями, сомнениями и надеждами. Неиссякаема молитва о нас праведников перед Господом, поэтому и не зарастают тропинки к храмам на святой Руси, пусть большой, мятущейся, ищущей, но все же хранящей в своей душе свет истинной веры.

Мы уезжали с большим желанием вернуться сюда вновь, еще раз навестить батюшку Сергия, Лавру и ее сокровищницу, тем более что в наших планах на будущее, как сказал отец Олег, посещение лаврской ризницы с большим количеством хранящихся в ней уникальных экспонатов.

Дорога домой показалась короткой. Время быстро пролетело за разговорами. Не чувствовалось усталости, ведь

прикосновение к святыне дает душе крылья, делает ее легкой и радостной. Хочется поделиться тем светом и теплом, которые царят в душе.

Мы благодарны нашему храму, отцу Олегу, сопровождавшему нас, за организацию этой поездки. Надеемся, что с помощью Божией, нам доведется посетить еще немало святых мест.

Ольга Глуценко.

ЗАМЕТКИ О ПОСЕЩЕНИИ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ

Вот оно, неожиданно солнечно-морозное утро у стен знаменитой свято-Троице-Сергиевой Лавры.

Приободренные морозцем, слушатели богословских курсов внимали экскурсоводам — студентам Духовной Академии. Обзорная экскурсия по Лавре, затем — по Церковно-археологическому кабинету проходили степенно, без суеты. Побывав во многих святых местах, да и просто поездив по России и за ее пределами, особенно видишь разницу и в поведении, и в восприятии экскурсоводов и самих наших паломников.

В иконной экспозиции Церковно-археологического кабинета меня поразило разнообразие икон Божией Матери. Хотелось подольше постоять у каждой, взглянуть в детали и запечатлеть в сердце лики особо понравившихся образов.

Отец Олег принял эстафету у молодежи, продолжив экскурсию по Покровскому храму в здании Академии. Далее мы прошли по территории Троице-Сергиевой Лавры, сподобились попать в Никоновский придел Троицкого собора и Серапионову палату, где от обилия мощевиков просто теряется дар речи. Попав туда, особо чувствуешь, сколько молитвенного труда, физических усилий употребили люди, к которым мы сейчас обращаемся с молитвой. Ощущаешь свою немощь и одновременно необыкновенную какую-то светлую надежду на спасительные перемены в душе, да и в реальной земной жизни тоже...

Со свойственной отцу Олегу теплотой и неформальным желанием донести до нас все самое необычное и интересное, он провел нас в храм Иоанна Лествичника, дал почувствовать живую настоящую жизнь современных семинаристов, учащихся иконописных и регентских курсов. Благообразие, особая тишина коридоров, старинных сводчатых переходов, росписи храма самими студентами как-то особо повлияли на настроение всей нашей группы. Здесь я почувствовала пульс современной жизни молодых людей, готовых связать свою судьбу со служением Богу и Церкви.

Спасибо отцу Олегу за такую интересную поездку. Несмотря на достаточно долгую экскурсию, усталости не ощущалось. Наоборот, особая светлая радость и желание вновь посетить столь знаменитую святыню.

Галина Замлаукая.

ЛЮБОВЬ И МОЛИТВА

В храме во время службы она всегда стоит неприметно, чтобы никому не помешать, никого не обременить своим присутствием. Можно присесть — присядет, тесно — потерпит.

Но поразило меня не это. Летом прихожане нашего храма ездили в Вешки, в храм мученика Уара. После Литургии был крестный ход. Несмотря на неласковую ветреную погоду люди дружно прошли бодрым шагом три с половиной километра. Каково же было мое изумление, когда я увидела знакомую сторбленную фигурку с палочкой в конечном пункте нашего шествия! Она не выглядела усталой, смотрела спокойно и приветливо — как всегда!

Откуда такие силы и такая смелость у женщины, которая отсчитывает восемьдесят пятый годок на земле?..

Мне захотелось узнать побольше об этой удивительной женщине, о нашей Марии Ивановне.

— Вы не сердитесь, что я не могу вам речь правильную склать, я уже позабыла все...

Дьякон Иван Прокофьевич Никитченко служил сначала в Троицком храме, который находился рядом с его домом, в деревне Труханово Рассухского сельсовета Брянской области. Потом, когда храмы начали закрываться, он после долгого перерыва перешел в дальний храм в деревне Бородинка, а потом служил в Рассухе.

Мария Ивановна вспоминает свое детство.

— Мой отец и мамочка, Василиса Марковна... У них было целых шесть деток. Я была уже третья. Два брата: Александр и Михаил... Александр — учитель, Михаил — водитель. И четыре нас сестры. Я — старшая, помладше Надежда, за ней Варвара, а тады Евдокея. Варвара — учительница, Евдокея — воспитательница в детском садике. А я 8 классов окончила — и война. Это уже после войны младшие продолжали учебу.

А сначала храм был рядом: наша усадьба, плетень — и храм Троицы за ним. Годов мне было шесть-семь, а может, десять. Это село Труханово называлось. Тогда храмы были далеко, приходы были редкие, а священники приходили служить. Батюшки придут, а в храме холодно. Они к нам приходят, обогреваются. И помню, один был старый, отец Иван, фамилия Бакулин. С кочережечкой заходит: «Ну что вы тут?» — и палкой! А мы ж боялись, на печь тикали!

И вот батя покойный заставлял нас крепко. Вот утром: «Вставайте, становитесь на колени! Молитесь: «Отче наш!»». Вот это уж я не забуду. «Сначала «Отче наш», а потом ешьте!»

Вот сейчас читают перед Евангелием Апостол: «Апостола Павла чтение...» — и его голосочек мне слышится.

Он все, бывало, рассказывал, как научился читать. Мы не хотели в школу ходить. Мы еще так-сяк, а один у нас брат ну так не хотел в школу, ну так ленился... И вот батя говорил: «Чтобы мне так, как вы сейчас, учиться!» Он даже одного класса не окончил. Со своими сестрами — Дуня и Агриппина, две сестры, и он

третий — ходили работать к помещице. Он называл ее Симониха. Обрабатывали у нее землю, а она научила его азбуке. А в армии он был запевалой. Голос был хороший! Сам красивый был, волосы были курчавые...

...Вот батяке покойному бы рассказать что у нас тут: и храм рядом, и покормят — и то нам далеко!

Восемнадцать годов мне было, как я окончила 8 классов. А ходила далеко, километров за десять — там школа была средняя. Начальная недалеко была, а это уже средняя: 8-й и 9-й класс. 10-го еще не было, он только открывался, а уже захватила война.

Когда началась война, молодых стали забирать в Германию. Назначали и окопы копать под Брянском в Навле (*пригород Брянска*). И до меня уже ряд дошел (*очередь дошла*). Посмотрели: у нас такая семья большая, и все у нас дома — и меня назначили (*к отправке*) в Германию.

Братя, один и другой, служили уже в армии. Миша покойный все говорил: «Старая Руса», — там он служил. Его призывали в армию, мы его проводили — а с дороги его забрали на фронт. Из дома в армию забрали, а там очнулся уже на войне!..

И вот мы так плакали!..
Недалеко от нас была прозорливая монашечка, на железнодорожной стан-

ции Рассуха. И мать послала меня к матушечке к этой: узнай про брата, про Мишу, ведь мы ничего о нем не знаем.

Она была старенькая, матушечка. К ней ходили люди молиться. Там не монастырь, а просто кельечка стояла. Вот я сейчас думаю: как она там существовала? Маленькая кельечка — и к ней ходили туда люди. И вот я там как наслушалась! Она там молилась и говорила: «Женщины, грех вам большой! Вы пожираете свой плод, вы делаете аборт!» И еще добавила: «Как гадина своих гадюченяток пожирает!» И вот она меня так утратила — я крепко задумалась, что она сказала!..

А в конце, когда уже уходили, она благословила меня, посмотрела и сказала: «Скрывайся, на улицу не выходи. И читай Евангелие — хоть по три строчки в день. Тебя не заберут. И скажи маме чтоб не плакала, это грех. Жив сыночек!»

Смотришь на нее сейчас: годы согнули ее спину, изменили черты. Но ведь она была совсем юной, когда гранулы война! Интересно представить ее девочкой — несмелой, старательной, заботливой.

— ...А тады уж мне наступил и замуж. Кто женатый был, того не брали в Германию.

Я же еще была молодая, холостая. Ребята-то бегали за мной — ну, это как обычно. В жмурки играли. И тогда уже гармонисты ходили из других деревень, у нас гулянья были.

А тут как тут мне и жених нашелся. Я оттого и вышла замуж, чтобы меня не взяли в Германию. Он был тракторист, звали его Иван Манжос. Иван Филиппович. Он был на год меня старше, в армии был старшим сержантом — я его даже боялась.

И вот он пришел ко мне свататься. Он был и добрый, и хороший, безвредный. Сирота: отец женился на другой, мачеха его растила. Я его прежде не знала, он отдаленно жил, за десять километров. А его брат у нас жил, в нашей деревне. Он меня ему и посоветовал.

Ну, он пришел, а я с ним даже не встречалась. Тут у меня спрашивают: «Ну, как ты?». А я убежала, спряталась в другую хату: «Господи, что это такое?».

Потом он меня спрашивает: «Ну, как ты? Что?» А я только (сейчас мне жалко — говорить же не умела!): «Как батяка, как матка!». А он сообразил уже, что я сама не могла по своей воле сказать, что не пойду за него, но не обиделся.

Поженились. Хотели повенчаться, но церковь была далеко... И его вскорости забрали в армию, на действительную службу. Я осталась «в положении». И без него родила девочку. Она пожила три недельки — и померла.

Без него родила, без него похоронила... Умерла она не от голода, а я чувствую, она перепугалась. Немцы были, бомбили сильно. Я вышла во двор из хаты, а тут как ударил! А передо мной на земле столько было зайцев! Зайчики, когда бомбили, тикали из леса к жилью. Бомбят, а тут под ногами много-много зайцев... И вот я сильно испугалась. Я заметила, что я сильно испугалась тогда!.. И в животе

она сильно билась. Девочка родилась слабенькая и была испуганная. Плачет, ручечками машет... Покрестили ее, имя ей дали Нина.

Я работала до последнего дня, до родов. Мне так стало больно: «Что она там?». Я замужем жила далеко от родной деревни, за десять километров.

После родов мать моя, хоть и далеко вато, но пришла ко мне: я ее вызвала — никого же не было родного. Две золовки, свекор, свекруха та неродная.

Я позвала — пришла мать повидаться через три недельки, а девочка в ту ночь и померла. Я сидела над ней, все плакала — и так заснула. Будят меня: «Маш, Маш, встань, иди уже ее покорми!» — мне так приметилося. А я так рада: «Ой, покормлю!». Проснулась, а она уже померла... Вот такие дела.

И осталась я одна. Приходилось много работать. Заставляли молотить, на быках в лес ездить. Я молодая, здоровая была, плотная такая, рыжая-рыжая. Гоняли-гоняли окопы копать — то там, то там перекапывать. А немец уже пришел. И был даже у нас в доме. Меня они не цепляли. Раз я крупу толкла в ступе... Голод же был, а пшеница была — не знаю где мы ее взяли. И вот я в ступе кашу толку. Немец подошел и кажет (*говорит*): «Шталин и Гитлер — туда их» — и указывает в ступу.

Но после пережитых страданий и бедствий было в ее жизни и счастье, и уютный дом, и детки.

— А Надя с Мишей родилась уже после войны. Вернулся муж. Он отслужил три года в армии на действительной службе. И тут у нас уже завелись детки. Двойнечка.

Господи, о-ой! А их двойня! Так мне было тяжело ходи-ить! А вот, бывало, они у меня в животе возятся, а я говорю им: «Что там тако-ое?».

Муж был трактористом, лето он пахал, а на зиму пошел в МТС трактора ремонтировать. И вот я одна. Работала до последнего дня. Я еще перед вечером пошла лен мять: пряжа же нужна. Чувствую: что-то не то... Или я натрудила свой живот, или что?

И вот мне пришлось самой идти за бабкой. А бабка знала, что двойнечка, она понимала: правый бок и левый. А я же не знала! «Иди, дитятчко, иди!» Я пришла к ней «Бабочка, ходи ко мне». Она была баба добрая. Ну ладно, пришла. И вот родились двое деток. Я думаю: «Что же это мне делать? Боже мой! Ой-ой!» А это ж Михайлов день.

Так я и сейчас думаю: как я вынесла эту кару?..

А так я их жалела, жалела. Наутро муж запрёт коня. Конь был свой, в войну единичниками мы стали. Поехал, привез медиструку. Она как глянула на них: «Ой-ой-ой! У них не будет и по килу двести!»

И вот стала я их растить, растить. Так было трудно! Добре еще, что у меня

мать была богатая, из тряпок дерюга была и все такое, — у меня были тряпки хоть умотать-укрыть. Есть было нечего. А молочка ж надо деткам — а что? Ну, просила. Они такие у меня были хорошие деточки. Соседка, бывало, скажет: «Дак еще таких детей у нас на поселке не было!» Особенно девочка. И сынок мой Мишенька, еще хлеще!..

Однажды, годов десять уже ему было, ехал на велосипеде и ногу сильно поранил, себе тут кусок вырвал на ноге. Нога долго болела, ходить ему было трудно. Мне потом женщина рассказывала: ее сын Шурик из армии только пришел. Приходит мой Миша к Шурику и спрашивает: «Скажи, возьмут меня теперь в армию — раз я ногу себе так покालечил?»

В армию его взяли, в Морфлот! И нам все благодарности присылали, он со всем справлялся. Подводником он был.

Пришел он из армии А у него друг из Москвы, служили вместе. Пришел из армии, приехал к другу в Москву, поступил учиться в Москве.

Миша в Москве познакомился с сродственницей друга. Повстречался — и поженились. И найшлось (*родилось*) у него двое деток, сперва мальчик, Димочка, а потом Олечка. Было Димочке 12 годов, а девочке было 8, как они разбились. У него машина была легковая своя. Дочка его гостила у родных на даче под Москвой. И вот они решили поехать довидаться. И вот они разбились оба разом.

Еще мне он позвонил: «Ма, приди, разбуди Диму, пока нас нет». Я утром встала, собралась к внуку — и никак не могу дверь открыть. Надо же, никогда такого в жизни со мной не было, не могу выйти из дома! Думаю, сын обидится, да и строгий он: что ж ты не сделала, как я просил!

И уже думаю: выйду на балкон и кто будет идти попрошу открыть меня и выпустить. Ну ладно, открыли меня, пошла я туда прихожу к дверям, а там уже стоит милиционер. «Вы из какой квартиры? А кто это вам будет?» Так и так, по фамилии его назвал... «А девушка молодая кто это с ним?» А жена его маленькая была, приятная. Я говорю: «Это мой сын, а это жена его, невестка моя». Он говорит: «Разбились насмерть».

Господи! Как я пришла, как я... И я с тех пор только и спасаюсь храмом. Каждый день! Так батюшки — дай Бог им здоровьичка! — так рассуждают: «Там встретитесь! Молитесь, а то они спросят, что не молились о них?» Я каждый день только этим и успокоюсь. И отец Анатолий тоже так: «Молись, матушка, проси Бога, молись!»

Мария Ивановна всегда пребывает в ровном расположении духа. На службе в храме увидишь ее чаще, чем многих более молодых и сильных людей. Если праздник — обязательно найдешь ее среди людей. Если будни, после службы встретишь ее в трапезной. Она терпеливо

и ловко чистит картошку. И все же она одна.

— Как я в деревне жила? Вот начни: куры, утки, гуси, индюки, корова, теленок, телочка, — за всеми ухаживать надо. А потом — на свое поле. Я хмелеводом была. Там за каждой веточкой досмотреть надо. А еще пришлось бухгалтером работать, счетоводом в колхозе. Я отказывалась: «Я восемь классов закончила, что я там буду считать?» Старый кладовщик каже (*говорит*): «Я тебя научу, ты будешь считать!» И я считала, и в банк ездила, и деньги получала, и кассу вела. Когда мои деточки уже подросли учились на стороночке...

И вот я в Москве... Вот приду, гляжу, люди все кучками, разговаривают тихо между собою. А мне никто слова не скажет. Одна и одна.

Я не обижаюсь, терплю. Если у другого нет, а у тебя есть — отдай! У меня вот тут, в груди такая жаль! Такая жаль, я жалею и тех, кого сама обидела, и тех, кто меня обидел.

В первую неделю нового года случилось у нее горе. Скоропостижно умер внук, Дима. То, как она успела попрощаться с ним, иначе, чем чудом, не назовешь. Даже погояна настоящая была — это в ее-то возрасте!

— Мне не сказали толком, куда приходиться на похороны. Квартирантка моя заболела. А я на нее понадеялась.

Прихожу, а они уже уехали в больницу, в морг. Как догонять? В Мытищи на электричке — мост не одолею. Стала машины останавливать — никто не взялся. Пришла на автобусную остановку, думаю, буду стоять сколько надо. Пришел автобус, довез до Мытищ, потом я пересадку сделала.

Догоняла — не знаю, как догнала. Не я думала — Господь за меня думал! Приехала к моргу, а мне говорят: вот только что увезли. Я зашла туда, где венки продают, цветы. Там водитель был. Продащица ему говорит: «Отвези ее». Чудо! Он говорит: «Выходите, сейчас поедем». И повез меня. Догнал их, обогнал, я вышла, они меня подождали. Вот как Господь все устроил, чтобы мне только его увидеть! А он такой молодой, красивый такой, в белой рубашечке, в костюме — вот сейчас встанет и пойдет!

Только мне страшно подумать: «Зачем же его сожгли?» Как же, все косточки его сторели?

Она все молится, все просит милости у Господа — не для себя, а для всех, кого она проводила и с кем ждет встречи. Как ее утешить? Да и есть ли в человеческом языке такие слова? Видно, один Господь знает, как...

Уж наверное, Он найдет для этой женщины такое утешение, перед которым меркнут все наши бледные человеческие слова.

Учредитель и издатель:

Донская церковь
г. Мытищи (поселок Перловский)
Московской епархии
Русской Православной
Церкви

Дорогие братья и сестры!

На страницах газеты, которую Вы держите в руках, содержатся священные имена, названия и изображения. **Просим Вас не использовать ее в хозяйственных целях.** Если она стала Вам не нужна, то отдайте ее тем, кому она может быть интересна или принесите в храм.

Редакция газеты «Донская Слобода»

будет рада любой форме сотрудничества.

Ваши предложения, замечания, статьи присылайте по адресу: **Московская обл., г. Мытищи, ул. Селезнева, д. 32.**
Тел: 582-96-70

Редакция:

Главный редактор:
священник Александр Краля
Ответственный редактор:
Марина Журбенко
Корректор: Ольга Глушченко
Верстка: Михаил Алимпиев